

Елена Кибирева

ЖИЗНИ ПОЯВЫСЬ

*“...Из Всех цветов во вселенной Ты
избрал Себе одну Лилию” (3 Езд. 5, 24)*

12+

Елена Кибирева
Лилии полевые

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Кибирева Е.

Лилии полевые / Е. Кибирева — «ЛитРес: Самиздат», 2005

ISBN 978-5-532-04231-5

В книге собраны рассказы и повести из рукописного архива репрессированного священника Григория Александровича Пономарева (1914-1997 гг). Отец Григорий и его супруга Нина Сергеевна Увицкая прожили в любви и согласии более 60 лет и преставились ко Господу в один день 25 октября 1997 года. Духовный архив отца Григория передала в редакцию «Звонница» его дочь Ольга с просьбой отредактировать рукописи и издать их для семейного чтения под общим названием «Лилии полевые». Все рассказы, повести, притчи, легенды, сказания заново переписаны, отредактированы и восстановлены. Книги имеют грифы издательского совета МП.

ISBN 978-5-532-04231-5

© Кибирева Е., 2005

© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Предисловие	5
Часть I	8
Вифлеемский младенец	9
Слезы	19
Бегство в Египет	24
В Назарете	27
Дары персидского царя волхва Артабана к Рождеству Господа нашего Иисуса Христа	30
Странствующий еврей	34
Страстная пятница	39
Дочь Пилата	42
Кончина праведника	45
Письма Адины	52
Воскресение и жизнь	58
Фиалка	60
Причащение в темнице	62
Святой союз. Глубокая вера в Божественную помощь	68
Подвиг матери	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Предисловие

Уважаемые читатели!

Перед вами книга для семейного чтения «Лилии полевые», в которой собраны воедино восточные сказания и легенды, древние предания и притчи, а также повести, рассказы, путевые заметки и воспоминания, перепечатанные из духовного архива митрофорного протоиерея Григория Александровича Пономарева (1914-1997 гг.).

Работа над книгой шла около двух лет и закончена накануне праздника Рождества Христова.

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» – поет Православная Церковь, славя родившегося Богомладенца-Христа.

«...Из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну лилию» (3 Езд. 5, 24). Эти слова Священного Писания стали эпиграфом нашей книги, а образ лилии из первого рассказа «Вифлеемский Младенец» дал название всему сборнику.

К Пасхе 2003 года Кафедральный собор святого Александра Невского в г. Кургане издал книгу Ольги Пономаревой *«Во Имя Твое...»*. В ней говорилось об исповеднической жизни митрофорного протоиерея Григория Александровича Пономарева и его супруги Нины Сергеевны, дочери репрессированного священника Сергея Увицкого.

Вскоре после издания книги *«Во Имя Твое...»* духовные чада отца Григория стали приносить в редакцию журнала «Звонница» рассказы, перепечатанные для них батюшкой из своего архива. Именно поэтому стало возможным издание сборника рассказов «Лилии полевые».

В 1937 году отца Григория (сына архимандрита Ардалиона), диакона кладбищенской церкви Вознесения Господня города Невьянска Свердловской области, осудили на 10 лет лишения свободы по 58-й статье, как священнослужителя, и отправили отбывать заключение в сталинских лагерях на Колыме. В общей сложности он пробыл на Севере 16 лет.

В 1954 году отец Григорий был реабилитирован.

Более сорока лет после освобождения отец Григорий служил в храмах Свердловской и Курганской областей вместе со своей верной супругой Ниной Сергеевной, которая была псаломщицей. Служили они жертвенно: он и матушка Нина со смирением и достоинством несли свой нелегкий жизненный крест. Они жили как настоящие христианские подвижники – каждый день и каждый час словом и делом исповедуя веру Христову.

Прожив в любви и согласии 61 год и 2 дня, они представились ко Господу в один день 25 октября 1997 года.

Так умирали раньше благочестивые православные супруги – готовились и умирали в один день.

Одновременная кончина отца Григория и матушки Нины Сергеевны – это видимый знак, которым Господь отмечает Своих избранных.

На протяжении своего более чем шестидесятилетнего земного служения Церкви отец Григорий собирал домашнюю духовную библиотеку, которой пользовались все его духовные чада. Это было подвижническое служение Богу в атмосфере воинствующего атеизма середины прошлого века – с риском вновь оказаться за решеткой...

В конце пятидесятых годов отец Григорий учился в Духовной Академии Ленинграда. Приезжая на учебу два раза в год, он по многу часов работал в библиотеках Северной столицы. Его дочь Ольга Григорьевна Пономарева вспоминает, что батюшка привозил из Ленинграда неподъемные чемоданы с многочисленными томами книг в старинных потертых переплетах.

Отец Григорий сам перепечатывал для своей библиотеки тексты этих книг на старенькой механической машинке. Он нумеровал печатные страницы, составлял оглавление каждой книги, украшал ее и аккуратно переплетал. Это были простые трогательные рассказы, ска-

зочные предания из жизни христиан разных времен, духовные стихи и поэмы, назидательные поучения и наставления духовных отцов, а также серьезные богословские труды русских и зарубежных авторов.

Многие рассказы, воспоминания, путевые заметки, очерки и повести, собранные отцом Григорием, выписаны им из разных литературно-духовных православных сборников и журналов, таких как «Афонские листки», «Странник», «Душеспасительное чтение», «Кормчий», «Русский паломник», «Христианское чтение» и др.

Непохожие друг на друга по сюжету, написанные в разные годы и столетия разными авторами – назидательные, поучительные и трогательные – эти повести и рассказы ярко свидетельствуют о том, что *«Христос, производящий все во всех, во все веки один и тот же»*.

Опираясь на слова Священного Писания, можно сказать, что *дары всех рассказов «различны, но Дух один и тот же»; служения* героев древних легенд и сказаний *«различны, а Господь один и тот же», и действия, которые происходят в них, «различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех»* (Ср. 1 Кор. 12, 4-6).

К сожалению, авторство некоторых текстов неизвестно, однако издатели этой книги посчитали своим христианским долгом сохранить и передать следующему поколению то духовное наследие, которое по крупицам собирал и бережно хранил отец Григорий.

Возможно, некоторые из публикуемых в нашей книге рассказов уже знакомы читателям. Но для нас важно, что на примере именно этих произведений отец Григорий, почитаемый на Урале как местночтимый праведник, учил и воспитывал своих духовных детей. Он дарил перепечатанные им под копирку поучительные рассказы, а также «назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых», своим духовным чадам к церковным праздникам и в дни ангелов.

О том, как тщательно подбирал отец Григорий назидательные поучения для своих духовных чад, заботясь о спасении их души, говорит написанное им в шестидесятые годы предисловие к психологическому очерку Владимира Молчанова «Вторая жизнь человека» (очерк публикуется в нашей книге).

«Дорогим читателям!

Желаю, чтобы этот духовный очерк был не просто только прочитан, как и вообще многое из книг читается и забывается, а прочитан с большим вниманием и с приложением к своей жизни.

Не случайно он попал к Вам!

Пусть это описанное душевное переживание одной христианской души из мира загробного побудит тебя, читающего эти строки, к большому духовному трезвению над собой, к осторожности в словах и делах и ответственности, наконец, за проходимый тобою жизненный путь.

Пусть этот небольшой очерк останется в памяти твоей так глубоко, чтобы помнить его на каждый день и уже при воспоминании о нем быть смиреннее, незлобивее, правдивее, честнее. Следи за собой, чтобы по окончании своего земного пути быть достойным чадом Небесного Отца, чтобы наследовать место Вечного покоя, радости, блаженства».

Эти слова можно отнести ко всем притчам, преданиям и воспоминаниям, напечатанным в нашей книге. Все рассказы, какими бы авторами, в каком бы жанре и в каком бы повествовательном времени они ни были написаны, до боли трогают сердце своей душевной простотой и, одновременно, трепетно-живой нелицемерной верой в присутствие Божие на земле.

Люди всегда нуждаются в утешении, и особенно в наше время, когда мы часто терпим различные скорби и тесноты или теряем близких. Это утешение могут дать нам простые, но мудрые рассказы, собранные в середине прошлого века отцом Григорием Пономаревым, «чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!» (2 Кор. 1, 4).

Ко всему сказанному добавим, что это лишь первый сборник повествований, перепечатанных из архива отца Григория. К изданию готовится еще одна книга поучительных рассказов для чтения в кругу семьи.

О митрофорном протоиерее Григории Александровиче Пономареве, потомственном священнике, можно сказать словами опубликованного в этой книге рассказа «Истинный пастырь Божий»:

«Велика рать Христовых верных служителей!

Большая часть их, как пчелки, незаметно для мира трудятся на ниве Господней, но есть и такие, которые, как звезды небесные, ярко сияют благодатию Христовою. Благодарное потомство свято хранит память о таких подвижниках евангельской любви».

* * *

Редакция сердечно благодарит всех духовных чад отца Григория, кто откликнулся и помог собрать материалы из архива батюшки для книги «Лилии полевые».

Елена Кибирева, автор-составитель книги.

г. Курган, 2005 год, Крещенский сочельник

Часть I

Восточные сказания, старинные предания, древние легенды, повести, новеллы, притчи

Вифлеемский младенец

Восточное сказание

У городских ворот Вифлеема стоял на часах римский легионер. На голове у него был тяжелый шлем, на боку висел короткий меч, а в руке держал он длинное копье. Весь день легионер стоял почти неподвижно, так что издали его можно было принять за железную статую.

В течение дня жители входили и выходили из ворот, нищие садились под аркой в тени, торговцы зеленью и вином ставили свои корзины и сосуды на землю рядом с воином, а он едва поворачивал голову, чтобы поглядеть на этих людей.

«Здесь не на что глядеть, – как бы говорил его презрительный взгляд. – Что мне до всех вас, занятых работой и торговлей и приходящих сюда с маслом и вином! Я хотел бы видеть войско, готовое ударить по врагу, видеть смятение, шумный беспорядок при схватке конницы с пешим отрядом! Дайте взглянуть мне на храбрецов, поспешно бегущих с осадными лестницами, чтобы забраться на стены вражеского города. Ничего, кроме войны, не может радовать моего глаза. Сверкающий римский орел, блестящее оружие, смятые шлемы, кровавые следы победоносной битвы, – вот от чего радостно бьется солдатское сердце!»

Прямо от городских ворот расстиралось великолепное поле, заросшее лилиями. Легионер стоял здесь каждый день, и взгляд его был направлен как раз на это поле, но ему, конечно, никогда не приходило в голову обратить внимание на необычайную красоту цветов. Порой замечал он, что прохожие останавливались и любовались красотой лилий, и тогда он удивлялся, как могут они тратить время на то, чтобы глядеть на такие ничего не стоящие предметы.

«Вот люди, – думал он, – которые ничего не понимают в прекрасном!» И он равнодушно смотрел на поля и масличные рощи, окружающие Вифлеем, и отдавался любимым мечтам, в которых видел себя в раскаленно-знойной пустыне, под ярким солнцем Ливии, представляя, как легион воинов длинной, ровной линией тянется по желтым пескам.

Нигде нет защиты от зноя, нигде не видно признаков воды, конца-края нет пустыне, ничто не говорит о близости цели, для которой предпринят поход. Видит он, какими неверными шагами подвигаются вперед легионеры, истомленные голодом и жаждой, видит он, как падают они один за другим наземь, словно подкошенные палящим солнцем, и, однако, несмотря на все это, отряд упорно подвигается вперед, не жалуясь, не думая о том, чтобы изменить полководцу и вернуться...

«Вот что прекрасно, глядите на это, – думал воин, – вот что достойно взора храбреца».

Стоя изо дня в день на одном и том же месте на своем посту, легионер имел полную возможность наблюдать прелестных детей, игравших вокруг него. Но с детьми было то же, что и с цветами: дети не привлекали его взгляда, не смягчали его суровости, и он удивлялся тому, что окружающие с радостной улыбкой глядели на детские игры.

«Дивится народ, – усмехался он. – Как много охотников попусту радуются!»

Как-то, стоя на своем обычном посту у городских ворот, легионер увидел мальчика лет трех, прибежавшего поиграть на лугу. Это было бедное дитя, прикрытое лишь овечьей шкуркой и игравшее совсем одиноко. Воин уставился на мальчика и, сам того не замечая, следил за ним. Первое, что бросилось ему в глаза, это то, что мальчик так легко бегал по полю, словно скользил по кончикам трав, но, когда он стал затем играть, легионер пришел в еще большее изумление.

– Клянусь моим мечом, – сказал он, – этот ребенок играет не так, как другие дети; чем это он так забавляется?

Ребенок играл только в нескольких шагах от него, и воину легко было следить за всем, что делал мальчик. И он увидел, что тот протянул ручку, чтобы поймать пчелу, сидевшую на цветке и до того нагруженную цветочной пылью, что она не в силах была улететь.

К великому удивлению воина, пчела не делала попытки подняться с цветка, не жалила ребенка, а охотно далась ему в руки. Крепко держа между пальчиками пчелу, крошка побежал к городской стене, нашел в одной из ее расщелин улей и оставил там пчелку. Затем он поспешил на помощь к другой пчеле, и целый день солдат видел ребенка за этой работой – за помощью пчелам в их усилиях вернуться в улей.

«Этот мальчик глупее всех, кого я до сих пор видел, – думал о нем воин, – как это приходит ему в голову помогать пчелам, которые отлично обошлись бы без него и которые к тому же могут его жестоко ужалить? Что за мужчина выйдет из этого ребенка, если он только вырастет?»

Ребенок приходил каждый день и играл на лугу, и часовой не переставал удивляться его играм. И он спрашивал себя: «Почему за все три года, которые я провел на своем посту, ничто не привлекало моего внимания так, как этот глупо забавляющийся ребенок?».

Однако этот мальчик несколько не радовал воина, напротив, он приводил ему на память предсказание одного древнего иудейского пророка, который предвещал, что наступит время, когда на земле воцарится мир и в течение целого тысячелетия не прольется ни капли крови, не будет войны, и люди будут жить друг с другом в любви, как братья. Легионера охватывал ужас при мысли о таком отвратительном времени, и он судорожно сжимал свое копье, как бы ища в нем опоры.

И чем больше воин наблюдал за ребенком и его играми, тем чаще думал он о грядущем царстве тысячелетнего мира. Конечно, он не боялся, что это царство наступит теперь же, но он не любил думать даже и о далеком будущем, которое может отнять у воина шум битвы и военные утехи.

Однажды, когда ребенок играл среди цветов в чудесном поле, нависли тучи и разразился ливень. Увидав, как большие, тяжелые дождевые капли стали падать на нежные лилии, мальчик испугался за судьбу своих прекрасных друзей. Подбегая к самым большим и красивым цветам, он пригибал к земле их твердые стебли с цветками, подставляя дождевым каплям их наружную сторону. Защитив так один цветок, он перебежал к другому, третьему, заботливо наклонял их, пока не защитил все цветы от ливня.

Легионер едва удерживался от смеха, глядя на всю эту возню мальчика с цветами.

«Боюсь, цветы не очень-то будут ему благодарны, – подумал он про себя, – теперь все стебли, конечно, переломаны, лилии нельзя так сильно нагибать».

Когда же буря стихла, он увидел, что ребенок снова бежит от одной лилии к другой, чтобы выпрямить их. К его безграничному удивлению, ребенок без малейшего труда выпрямил все жесткие стебли, и ни один из них не был ни сломан, ни поврежден, и все спасенные мальчиком лилии скоро снова засияли со всем своим блеском.

При виде этого зрелища воина охватило непонятное смущение.

«Что за дитя, – думал он, – трудно поверить, что можно делать такую бессмыслицу. Что за мужчина выйдет из ребенка, который не в состоянии перенести даже вида растоптанной лилии? Что бы случилось, если бы ему пришлось воевать? Что сделал бы он, если бы ему приказали поджечь дом, наполненный женщинами и детьми, или пустить ко дну судно со всем экипажем?»

И опять припомнилось ему древнее пророчество, и он начинал опасаться, что близится время, когда это пророчество начнет сбываться. Раз мог появиться такой мальчик, как этот, значит, страшное время должно быть недалеко. Уже и теперь царит во всей вселенной мир, верно, войнам никогда больше не бывать.

Отныне все люди будут иметь такую же душу, как у этого ребенка. Они будут бояться вредить друг другу. Больше того, их сердце не допустит погубить пчелу или цветок. Не станет больше великих героев и подвигов. Не станут больше одерживать чудесных побед, блестящий

триумфатор не последует больше к Капитолию, и не останется в мире ничего, о чем мог бы мечтать храбрец.

И воин, до той поры все еще надеявшийся дожждаться новой войны с геройскими подвигами, завоевать власть и богатство, почувствовал такое ожесточение против трехлетнего мальчика, что раз, когда тот пробежал мимо него, он пригрозил ему копьем.

В один из ближайших дней внимание воина привлекла еще новая странность. То была уже не помощь пчелам и цветам, теперь ребенок сделал нечто такое, что казалось солдату еще более бессмысленным и нелепым.

Стоял чрезвычайно жаркий день, и солнечные лучи падали на каску и вооружение легионера и так раскалили их, что ему казалось, будто на нем огненное одеяние. Прохожие замечали, что он, должно быть, ужасно страдает от зноя. Налившиеся кровью глаза как бы выступали из орбит, губы потрескались. Но легионеру, закаленному и привычному к палящему зною африканских песчаных пустынь, все это не казалось ничем особенным, и ему не пришло в голову оставить свой пост. Напротив, ему доставляло удовольствие показывать прохожим, что он силен и вынослив и не нуждается в защите от солнца.

В то время как он стоял на карауле и жарился заживо, мальчик, обычно игравший на поле, вдруг подошел к нему. Ребенок знал, что легионер не принадлежит к числу его друзей, и остерегался подходить к нему на расстояние вытянутого копья. Но тут он вплотную подошел к нему, поглядел на него долго и внимательно и затем бросился бегом через дорогу. Скоро он вернулся, держа свои ручки сомкнутыми, словно чашку, и таким образом принес в них несколько капель воды.

«Неужели же мальчику пришло в голову побежать за водой для меня? – думал воин. – Это уже действительно бессмысленно. Разве римский легионер может быть не в силах вынести немного зноя? Зачем этому крошке бегать и помогать тем, которые не нуждаются в его помощи? Я не чувствую нужды в его милосердии. Я бы хотел, чтобы он и все ему подобные совсем не существовали на свете».

Мальчик приближался очень осторожно, крепко сжимая пальчики, чтобы не расплескать и не вылить ни одной капли. Он не отводил глаз от воды и не замечал поэтому, что воин смотрит на него неодобрительным взглядом и что лоб его изрезан глубокими морщинами.

Наконец мальчик остановился очень близко от легионера и предложил ему воду. На ходу тяжелые светлые локоны ребенка все ниже спускались ему на лоб и потом упали совсем на глаза. Он несколько раз взмахивал головкой, чтобы откинуть волосы и взглянуть на солдата.

Когда это удалось ему наконец и он увидел суровое выражение на лице часового, он не испугался, но остался на месте и с очаровательной улыбкой предложил воину освежиться водой, которую он принес.

Но тот не имел никакого желания принять услугу от этого ребенка, на которого он смотрел как на своего врага. Он не глядел на прекрасное лицо ребенка, а должен был стоять неподвижно, как статуя, не показывая, понимает ли он, что хочет сделать для него мальчик.

Ребенок никак не мог понять, что тот хочет отклонить его просьбу. Он продолжал доверчиво улыбаться, приподнялся на цыпочки и поднял руки насколько мог, чтобы огромный воин легче мог достать воду. Настойчивое желание ребенка помочь ему так оскорбило легионера, что он замахнулся на крошку копьем. Но в эту минуту зной и яркий свет солнца так ослепили его, что в глазах у него замелькали красные огни и он почувствовал, что в голове его словно все пылает. Он ужаснулся, что солнце убьет его, если он тотчас не найдет облегчения. Близость смерти заставила его забыть обо всем остальном: он швырнул на землю копье, схватил обеими руками ребенка, поднял его и высосал из маленьких ручек всю влагу.

Конечно, легионеру удалось только смочить язык несколькими каплями, но большего ему и не нужно было. Как только он почувствовал воду, блаженная свежесть пронзила его тело и он не чувствовал больше, как шлем и щит тяготят и жгут его. Лучи солнца потеряли

свою смертоносную силу, сухие губы часового снова увлажнились, и красные огни перестали мелькать в его глазах.

Савва (так звали legionера) успел опомниться, он спустил с рук мальчика, и тот снова побежал в поле играть. Теперь только воин пришел в себя и подумал: «Что это за воду приносил мне мальчик? Это был превосходный напиток! За него стоило бы поблагодарить крошку».

Но так как он ненавидел мальчика, то тотчас отогнал от себя эту мысль. «Ведь это ребенок, – подумал он, – он не знает, почему он поступает так или иначе, он забавляется всем, что его развлекает. Разве получает благодарность он от пчел или лилий? Не стоит думать об этом мальчике, он даже не знает, что помог мне».

И в legionере заговорило как будто еще большее негодование на ребенка, когда через несколько минут он вдруг увидел выходящего из городских ворот начальника римских войск, расположенных в Вифлееме.

«Какой опасности я подвергался, – подумал legionер, – из-за затеи ребенка. Приди Вольтигий немного раньше, он мог бы увидеть меня на посту с ребенком на руках».

А начальник подошел прямо к нему и спросил, могут ли они поговорить с уверенностью, что их разговора не подслушают; он имеет сообщить солдату тайну.

– Если мы отойдем лишь на десять шагов, – ответил воин, – то никто нас не сможет услышать.

– Ты знаешь, – сказал начальник, – что царь Ирод несколько раз пытался овладеть одним ребенком, который живет здесь, в Вифлееме. Царские и духовные предсказатели открыли ему, что именно этот мальчик унаследует его трон и, кроме того, новым царем будет основано тысячелетнее царство мира и святости. Ты, конечно, понимаешь, что Ирод хочет обезвредить этого ребенка.

– Конечно, я это понимаю, – с жаром сказал legionер, – и ничего легче этого не может быть на свете.

– Разумеется, это было бы легко, – возразил военачальник, – если бы царь знал, кого из вифлеемских детей касается это предсказание.

Глубокие морщины собрались на лбу воина.

– Жаль, что ясновидцы не могут дать ему никакого указания относительно этого, но теперь Ирод придумал такую западню, посредством которой он надеется обезопасить себя от молодого Царя мира, – продолжал начальник, – и он обещает богатую награду всякому, кто захочет помочь ему в этом деле.

– Что Вольтигию угодно будет приказать, будет всегда исполнено без платы и награды.

– Спасибо, – ответил начальник. – Теперь выслушай план царя. Он хочет отпраздновать день рождения своего младшего сына торжеством, на которое будут приглашены вместе со своими матерями все мальчики в Вифлееме в возрасте от двух до трех лет, и на этом празднике...

Он вдруг замолк и замялся, заметив выражение отвращения, которое появилось на лице воина.

– Друг мой, не бойся, – продолжал он, – что Ирод захочет возложить на нас обязанности нянек. Нагнись поближе, и я на ухо доверю тебе его план.

Начальник долго шепотом говорил что-то legionеру и, кончив, прибавил:

– Мне, конечно, не надо тебе объяснять, что необходимо полное сохранение тайны, иначе все предприятие может не удалиться.

– Ты знаешь, Вольтигий, что можешь положиться на меня, – ответил тот.

Когда начальник ушел и воин снова стал на свой пост, он отыскивал глазами мальчика; тот все еще играл среди цветов, и воин поймал себя на мысли, что ребенок, словно бабочка, легко и мило движется среди цветов.

Но вдруг воин засмеялся:

– Да, этот ребенок недолго будет мозолить мне глаза, он, конечно, тоже будет приглашен к Ироду на праздник.

Весь день легионер простоял на своем посту, пока не настал вечер и не нужно было запечатать городские ворота. Затем он побрел по узким, темным улочкам к великолепному дворцу, которым Ирод владел в Вифлееме. Внутри этого громадного дворца находился большой, вымощенный плитами двор, окруженный зданиями, вдоль которых шли три открытых галереи – так приказал Ирод. Здесь должен был состояться праздник для вифлеемских детей.

Одна из галерей – опять-таки по приказанию царя – превращена была в чудесный сад. По крыше вились виноградные лозы, с которых свисали тяжелые гроздья, а вдоль стен и колонн стояли невысокие гранатные и апельсиновые деревья, сгибаемые ветви под тяжестью зрелых плодов. Пол был усыпан лепестками роз, которые лежали густым, мягким душистым ковром; балюстрады, столы и низкие скамейки для отдыха были обиты гирляндами нежных белых лилий. Среди этой рощи цветов скрывались мраморные бассейны, в прозрачной воде которых играли сверкающие золотом и серебром рыбки. По деревьям порхали заморские птицы в ярком оперенье, а в одной из клеток беспрерывно каркал старый ворон.

К началу торжества дети в сопровождении матерей стали собираться в галерею. При входе во дворец детей переодевали в белые ткани с пурпурными краями и надевали на темно-кудрявые головки венки из роз. Женщины чинно входили, одетые в красные и голубые ткани с белыми прозрачными покрывалами, спускавшимися с высоких шаровидных головных уборов, украшенных золотыми монетами и тонкими цепочками. Одни входили, держа своих детей высоко на плечах, другие вели детей за руку, некоторые же, чьи дети особенно робели и смущались, держали их на руках.

Женщины садились на пол галереи. Едва они заняли места, появились рабы и поставили перед ними низенькие столы с отборными яствами и напитками. Все, как полагается на царском пиру, и счастливые матери стали есть и пить, сохраняя по-прежнему милое выражение достоинства, которое составляло лучшее украшение вифлеемских женщин. Вдоль стен галереи, почти совсем скрытые гирляндами цветов и фруктовыми деревьями, расставлены были в два ряда воины в полном боевом вооружении.

Они стояли совершенно неподвижно, как будто их вовсе не касалось все происходящее кругом, и женщины не могли время от времени не бросить удивленного взгляда на эту толпу вооруженных людей.

– К чему они здесь? – шептали они соседкам. – Разве Ирод думает, что мы не сумеем вести себя? Или он думает, что нужно такое множество солдат, чтобы сдержать нас?

Другие отвечали шепотом, что, очевидно, все делается так, как должно всегда быть у царя. Ирод, говорят, на всех своих торжествах наполняет дворец воинами. Теперь же эти вооруженные легионеры стоят здесь на карауле, в честь приглашенных.

В начале праздника маленькие дети стеснялись, неуверенно бродили по галерее или робко жались к матерям, но скоро они оживились, забегали и потянулись за всеми очаровательными вещами, которые приготовил для них Ирод. То было поистине сказочное царство, приготовленное для гостей. Гуляя по галерее, они то находили соты, откуда могли брать мед без боязни быть укушенными пчелами, то попадались им деревья, которые склонялись, чтобы приблизить к ним свои отягченные плодами ветви. Далее в другом углу видели они фокусника, который в одно мгновение наполнял их карманы игрушками, а еще в другом месте появлялся укротитель, который показывал детям несколько укрощенных зверей, на спине которых можно было кататься.

Однако в этом раю со всеми его очарованиями ничто так не привлекало внимание детей, как длинный ряд воинов, неподвижно стоявших по стенам галереи. Блестящие шлемы, строгие гордые лица, короткие мечи в богатых ножнах – все это приковывало детские взоры. Во время всех игр и шалостей дети неотступно следили за воинами, держались в стороне от них,

но страстно хотели подойти поближе к ним, поглядеть, живые ли они, могут ли они по-настоящему двигаться.

Игры и веселье с каждой минутой все разгорались, а воины все продолжали стоять неподвижно, словно статуи. Дети никак не могли понять, как можно стоять так близко от винограда и разных лакомств и не протянуть руки, чтобы достать что-нибудь.

Но вот один из мальчиков не мог больше сдерживать своего любопытства: он осторожно приблизился к одному из закованных в броню людей, готовый каждое мгновение убежать, но, так как солдат и тут не вышел из своей неподвижности, мальчик подошел ближе и наконец так близко, что мог ощупать ремни от сандалий и одеяние солдата. И в одно мгновение – словно бы прикосновение ребенка было неслыханным преступлением – все эти железные статуи ожили. С неописуемым зверством накинулись они на детей и стали их хватать. Одни, закинув малюток за спину, с размаху бросали их, словно колчан, сквозь лампы и гирлянды во двор, где они разбивались о мраморные плиты. Другие солдаты обнажали мечи и пронзали сердце детей. Некоторые разбивали детские головки о стены и потом выбрасывали маленькие трупы во двор, потемневший от наступившей ночи.

Одну минуту царила мертвая тишина, и маленькие тельца еще мелькали в воздухе, а матери окаменели в ужасе. Но вот эти несчастные сразу ясно поняли, что случилось, и с диким криком отчаяния бросились на палачей... На галерее находились еще дети, которые не были захвачены при первом нападении. Воины гонялись за ними, а матери бросались на землю перед извергами, хватались голыми руками за обнаженные мечи, чтобы отвести смертельный удар. Некоторые женщины, дети которых были уже убиты, бросались на легионеров, хватали их за горло и душили их насмерть, чтобы отомстить за своих малюток.

Во время этого дикого смятения, когда полные ужаса крики оглашали дворец и совершалась жестокая бойня, тот воин, который стоял на посту у городских ворот, теперь стоял неподвижный, как и всегда, на самой верхней ступени лестницы, спускавшейся в галерею. Он не участвовал ни в нападении, ни в убийстве, он подымал свой меч лишь против женщин, которым удалось схватить своих детей и которые пытались взбежать на лестницу, и один его вид, мрачный и непреклонный, был так ужасен, что убегающие женщины предпочитали бросаться через перила или возвращаться назад, чем подвергнуться опасности пройти мимо этого солдата.

«Вольтигий поступил правильно, поручив этот пост мне, – думал он, – молодой и легкомысленный воин оставил бы указанное место и бросился бы в общую свалку; если бы я поддался соблазну и ушел отсюда, по меньшей мере дюжина детей, наверное, спаслась бы».

Вдруг он заметил молодую женщину, которая схватила ребенка и бегом приближалась к нему. Ни один из легионеров, мимо которых она бежала, не мог ее остановить, потому что все они были заняты борьбой с другими женщинами, и таким образом ей удалось добежать до конца галереи.

«Вот одна, которой почти уже удалось спастись, – подумал воин, – ни она, ни ребенок не ранены. Если бы я не стоял здесь...»

Женщина быстро приближалась к нему, словно на крыльях, и он не успел разглядеть ни ее лица, ни лица ребенка. Он успел только загородить ей путь мечом, и с ребенком в руках она неслась на этот меч. Он ждал, что в следующее мгновение увидит и ее, и ребенка пронзенными. Но в это время он вдруг услышал сердитое жужжание над своей головой и в то же мгновение почувствовал жестокую боль в одном глазу. Боль была так остра и мучительна, что он совсем обезумел и меч выпал из его рук. Он схватился рукой за глаз и, поймав на нем пчелу, понял, что невыносимую боль, которую он ощутил, причинил ему укус крошечного насекомого.

Мгновенно нагнулся он за мечом в надежде, что не опоздал еще задержать убежавших. Но маленькая пчелка сделала свое дело очень хорошо. В короткий промежуток, в который она ослепила воина, молодой матери удалось пробежать мимо него по лестнице, и хотя он сейчас

же побежал за ней, но найти ее нигде уже не мог. Она исчезла, и в огромном дворце никто не мог ее отыскать.

На следующее утро тот же легионер и с ним несколько товарищей его стояли тесным кольцом на страже у городских ворот. День только что начинался, и тяжелые ворота сейчас лишь были открыты. Но оказалось, что никто не ждал их открытия в это утро, не видно было даже толпы полевых работников, каждое утро выходивших в это время из города. Все жители Вифлеема оцепенели в ужасе от кровавой бойни, и никто не решался оставить свой дом.

– Клянусь своим мечом, – говорил воин, вглядываясь в узкую улицу, ведущую к воротам, – мне кажется, Вольтигий неумно распорядился: лучше бы запереть ворота и приказать обыскать один за другим все дома в городе, пока не нашли бы мальчика, которому удалось убежать с праздника. Вольтигий рассчитывает, что родители этого ребенка попытаются увезти его отсюда, как только узнают, что ворота открыты; он надеется, что в таком случае удастся поймать ребенка у ворот. Но я боюсь, что это неверный расчет и им очень легко удастся спрятать ребенка.

И он старался угадать, попытаются ли они провезти ребенка во фруктовой корзине на спине осла, или в огромном кувшине для масла, или же в караване, спрятав в тюках.

Обдумывая таким образом, как его попытаются перехитрить, воин вдруг увидел, что по улице спешно идут мужчина и женщина, приближаясь к воротам. Шли они скоро, боязливо озираясь по сторонам, как будто бы убегали от угрожающей им опасности. Мужчина держал в одной руке дубинку и крепко сжимал ее, как бы твердо решившись силой проложить себе дорогу, если кто-нибудь вздумает остановить его. Но воин всматривался не столько в мужчину, сколько в женщину. Он заметил, что она была такого же роста, как и та молодая мать, которой удалось проскользнуть мимо него вчера на лестнице дворца. Он заметил также, что она перекинула свою одежду через голову.

– Может быть, она одела так свое платье, чтобы скрыть ребенка, – подумал он.

Чем более они приближались, тем яснее он видел, как обрисовывался ребенок, которого женщина несла на руках под одеждой.

– Я уверен, что это та самая женщина, которая вчера ушла из моих рук. Конечно, я лица ее не заметил, но узнаю теперь ее высокую фигуру. И вот она идет с ребенком на руках, даже не делая попытки спрятать его. Правду сказать, я не смел надеяться на такой счастливый случай.

Мужчина и женщина продолжали спешно идти к воротам. Они, по-видимому, не ожидали, что их остановят здесь, и судорожно вздрогнули от испуга, когда легионер протянул перед ними копьё и загородил дорогу.

– Почему мешаешь ты нам выйти в поле на работу? – спросил мужчина.

– Ты можешь пойти сейчас, я должен только поглядеть, что спрятано у жены твоей под платьем.

– Чего тут смотреть, – ответил тот, – здесь хлеб и вино, чтобы пропитаться до вечера.

– Может быть, ты и правду говоришь, – сказал воин, – но если это так, отчего же она добровольно не показывает мне, что она там несет?

– Я не хочу, чтобы ты это видел, и советую тебе отпустить нас.

С этими словами муж поднял было свою дубинку, но жена положила руку ему на плечо и попросила:

– Не затевай спора, я лучше иначе поступлю – дам ему поглядеть, что я несу, и я уверена, что он не сделает зла тому, что увидит.

И с гордой и доверчивой улыбкой она обернулась к воину и отвернула край своей одежды. Легионер мгновенно отскочил назад и закрыл глаза, как бы ослепленный сильным сиянием. То, что женщина скрывала под одеждой, сверкнуло пред ним такой ослепительной белизной, что вначале он вовсе не знал, что он видит.

– Я думал, что ты держишь ребенка на груди, – сказал он.

– Ты видишь, что я несу, – ответила женщина.

Теперь только воин разглядел, что так ярко и ослепительно светился пучок лилий, тех самых лилий, которые росли кругом в поле. Но блеск их был роскошнее и ярче. Он едва мог смотреть на них. Он просунул руку в цветы, так как не мог отделаться от мысли, что эта женщина должна нести ребенка, но, кроме нежных цветов, он ничего не ощутил. Он испытывал горькое разочарование и в гневе охотно задержал бы и мужа, и жену, но он понимал, что не найдет никакого объяснения своему поступку.

Заметив его замешательство, женщина сказала:

– Не позволишь ли нам теперь пройти?

И воин молча опустил копье, которым загородил выход из ворот, и отошел в сторону, а женщина снова закрыла цветы своим платьем, глядя счастливой улыбкой на то, что держала на руках.

– Я знала, что ты не сможешь сделать ничего худого, когда ты только это увидишь, – сказала она воину.

Затем они быстро ушли, а воин продолжал стоять и смотреть им вслед все время, пока они были еще видны. И, следя за ними взглядом, он чувствовал совершенно ясно, что эта женщина несла на руках не пучок лилий, а настоящее, живое дитя.

Он продолжал еще смотреть вслед путникам, когда услышал вдруг громкий окрик: к нему торопливо приближался Вольтигий с отрядом.

– Задержи их, – кричали они, – запри пред ними ворота, не дай им убежать!

И, подбегая к воину, они нервно поведали ему, что напали на след исчезнувшего вчера ребенка. Только что искали они его в доме, но он снова исчез и оттуда; они видели, как его родители унесли его. Отец – крепкий седобородый человек с дубинкой, мать – высокая женщина, она спрятала ребенка в складках одежды.

Во время этого разговора к воротам подъехал бедуин на прекрасной лошади. Не говоря ни слова, воин бросился на бедуина, сбросил его с лошади, сам вскочил на нее и поскакал по дороге.

Прошло несколько дней, а легионер все еще продолжал погоню по ужасной гористой пустыне, тянущейся по южной части Иудеи. Он до сих пор преследовал трех беглецов из Вифлеема и был вне себя, что этой бесплодной охоте конца не было видно.

– Кажется, будто эти люди в самом деле способны провалиться сквозь землю, – ворчал он, – сколько уже раз в эти дни я подъезжал так близко к ним, что готовился уже пронзить ребенка копьем, и все же они каждый раз скрывались от меня! Я начинаю думать, что действительно никогда не поймаю их.

Он стал терять мужество, как человек, замечающий, что борется с чем-то всемогущим, он задумывался: быть может, сами боги защищают этих людей от него.

– Вся эта погоня – напрасный труд. Лучше бы мне вернуться, не то погибну я от голода и жажды в этой мертвой пустыне, – говорил он сам себе все чаще и чаще. Но тотчас его охватывал страх пред тем, что предстоит ему, если он вернется, не исполнив возложенного на него поручения. Ведь и так именно он уже два раза отпустил ребенка. Сомнительно, чтобы Вольтигий или Ирод простили ему это.

«Пока Ирод знает, что хотя бы один из вифлеемских мальчиков жив, его будет мучить прежний страх, – думал воин. – Вернее всего, что он попытается заглушить свой гнев и муки страха тем, что прикажет меня распять».

Был жаркий обеденный час, и легионер сильно страдал, пробираясь верхом по скалистой, лишенной деревьев местности, по тропинке, которая вилась змейкой в глубоком ущелье, где не было ни малейшего ветерка. Лошадь и всадник готовы были свалиться. Уже несколько часов, как воин потерял от усталости всякий след и чувствовал упадок духа больше, чем когда-либо.

– Я должен отказаться от погони, – думал он, – в самом деле, я думаю, что не стоит труда их дальше преследовать. Они неизбежно должны погибнуть так или иначе в этой ужасной пустыне!

Раздумывая так, он вдруг заметил в одной из скал вблизи дороги сводчатый вход в пещеру. Он тотчас направил лошадь к этому входу.

– Надо бы мне немного отдохнуть. Может быть, я с новыми силами примусь опять за погоню.

Когда он уже хотел войти в пещеру, его поразило необычайное явление. По обеим сторонам входа росли две прекрасные лилии. Они вытянулись высоко и прямо, неся каждая на себе много цветов, распространявших одуряющий запах меда; вокруг цветов летали тучи пчел. Среди мертвой пустыни это зрелище было так необыкновенно, что и воин поступил удивительно для него самого. Он сорвал большой белый цветок и взял его с собой в пещеру.

Пещера была ни глубокой, ни темной, и воин тотчас увидел, что там отдыхают уже три путника. То были мужчина, женщина и ребенок, которые растянулись на земле, погруженные в глубокий сон. Никогда еще сердце воина так не билось, как при виде этих путников.

Это были те беглецы, за которыми он уже так долго гнался. Он их тотчас узнал. И здесь лежали они, спящие, без возможности защищаться, все в его власти. Быстро вынул он меч из ножен и наклонился над спящим ребенком. Осторожно приложил он меч к сердцу ребенка и старательно готовился к удару, чтобы сразу покончить с мальчиком. Но, подкрадываясь так, он остановился на одно мгновение, чтобы разглядеть лицо ребенка. Теперь, когда он был уверен в своей победе, он испытывал жестокое наслаждение, смотря на свою жертву. Но, когда он взглянул ребенку в лицо, радость его как будто еще усилилась, так как он узнал в нем того крошечного мальчика, которого он видел играющим с пчелами и лилиями на поле у городских ворот.

«Конечно, – подумал он, – я давно должен был бы это понять, вот почему я всегда ненавидел этого ребенка. Это именно обещанный пророчеством Владыка мира». Он опустил меч и снова подумал: «Если я положу пред Иродом голову этого ребенка, он сделает меня начальником своих телохранителей». И, приближая к спящему ребенку все ближе и ближе острие меча, он радостно говорил себе: «На этот раз, наконец, никто не станет между нами и не вырвет его из моей власти».

Он продолжал держать в руке лилию, которую сорвал при входе в пещеру, и вдруг из чашечки ее вылетела спрятавшаяся там пчела, подлетела к нему и, жужжа, покружилась несколько раз вокруг его головы. Воин вздрогнул. Он вдруг вспомнил о пчелах, которым помог когда-то ребенок, и ему пришло в голову, что одна из этих пчел помогла мальчику скрыться с праздника Ирода.

Эта мысль поразила его. Он опустил меч, выпрямился и стал прислушиваться к пчеле.

Но вот жужжание насекомого затихло. Продолжая стоять неподвижно, воин вдыхал сильный сладкий аромат, исходивший от лилии, которую он держал зажатой в руке. Запах напомнил ему о лилиях, которых мальчик спасал от дождя, и о том пучке их, который скрыл ребенка от его взоров и помог крошке спастись и пройти через городские ворота.

Он все больше задумывался и вложил меч в ножны.

– Пчелы и лилии отплатили ему за его благодеяния, – пробормотал он сам себе. Он подумал о том, что ребенок и ему однажды оказал милость, и глубокая краска выступила у него в лице:

– Разве может римский легионер забыть об оказанной ему услуге?

Недолго он боролся с собой. Он подумал об Ироде и о собственном своем желании уничтожить юного Владыку мира... И решил в душе: «Мне не пристало убивать этого ребенка, который спас мне жизнь». И он склонился и положил свой меч рядом с ребенком, чтобы беглецы, проснувшись, узнали, какой опасности они избегли.

Вдруг он увидел, что ребенок проснулся. Малютка лежал и смотрел на него своими прекрасными глазами, сиявшими, как звезды.

И легионер преклонил колени пред ребенком.

– Владыка, Ты Всемогуший, – сказал он, – Ты – Победитель, Ты – Тот, Которого любят боги, Ты – Тот, Который может спокойно наступать на скорпионов и змей!

Он поцеловал ножку ребенка и тихо вышел из пещеры, а мальчик продолжал лежать и смотреть ему вслед большими, удивленными детскими глазами.

Аминь!

Слезы

Христианское предание

На склоне холма, возвышавшегося над маленьким городом Вифлеемом в Иудее, стоял некогда хорошенький домик, спрятанный в тени больших кедров и густых зеленых смоковниц.

Зима подходила к концу. Заходящее на безоблачном небе солнце ласкало своими лучами веселое жилище, окружающий его благоуханный сад и лицо молодой женщины, сидящей у пальмы.

Благородство ее черт, ее платье из шелковой ткани, подпоясанное нарядным пурпурным кушаком, тонкое льняное покрывало на голове и плечах, множество слуг, суетившихся вокруг дома, – все указывало на ее высокое положение и богатство.

Около женщины стояла искусно сплетенная из тростника корзинка, в которой лежала шерсть самых разнообразных оттенков с серебряными и золотыми нитями – как свидетельство того, что хозяйка не любила празднично проводить время. В руках она держала веретено. У ног женщины на роскошном ковре весело резвились ее дети: дочь Вероника (прелестный пятилетний ребенок, вылитый портрет матери) и сын Вениамин, которому едва исполнился годик. В глазах его отражалось голубое безоблачное небо. Но веретено внезапно выпало из рук молодой женщины, и глаза ее устремились куда-то вдаль, в какую-то неизвестную точку. Взгляд женщины не остановился даже на очаровательных, милых детках, составлявших ее радость и материнскую гордость. Губы ее беззвучно двигались, как бы отвечая на вопрос, волновавший ее душу.

– А что если это действительно правда? – шептала она. – Как объяснить эти чудеса?.. Эти пастухи, которые пришли рассказать нам о лучезарном видении ангелов на небе, и о Божественной красоте Младенца в яслях, и о невыразимой прелести Матери!.. Эти волхвы, которые прошли через Вифлеем, следуя за звездой, и оставившие в яслях великолепные подарки!.. Ведь они же поверили. Почему же и мне не поверить? Говорил же Пророк, что «Младенец родился нам»...

И еще он говорил, что из Вифлеема произойдет Тот, Который поведет народ израильский. Но разве Тот, о Ком он говорил, должен был выйти из яслей? Не те ли это люди, которым вифлеемские дома отказали в гостеприимстве из-за их бедности и скромной одежды и которые скрываются в пещере недалеко отсюда?

Неужели это обещанный Мессия, Властитель народов – Тот, Который восстановит царство Давида!

Боже, как обнаружишь Ты Свое могущество и Свою славу? А между тем Тебе уже пора явиться. Скипетр выпал из рук Иуды и перешел к нечестивому и жестокому узурпатору. Разве я этого не знаю? Происходя от крови Маккавеев, подруга несчастной Мариам, я должна была, чтобы не быть вовлеченной в избиение всей моей семьи, бежать из Иерусалима и прийти сюда, чтобы меня забыли, а главное, чтобы забыли, что в жилах моего сына течет царская кровь. О, род Давида, куда ты пал? И когда придет Тот, Который должен поднять тебя?

Солнце совсем скрылось за горизонтом. Его золотистые лучи сменились пурпуровыми полосами, постепенно исчезающими на ночном небе. Вероника, утомившись от игр, положила головку на колени матери. Вениамин задремал. Очнувшись, молодая женщина встала и вошла с детьми в дом. Когда дети заснули, она снова вернулась на террасу своего жилища и долго стояла в раздумьи. Серебристый диск луны поднялся над Вифлеемом, мириады звезд усыпали лазоревый свод.

Какая-то мысль зрела в ее душе. Сначала она отгоняла ее, но мысль становилась все более настойчивой и властной. Сердце и голова женщины были полны рассказов о чудесах. Ей

казалось, что каждая звезда показывает ей путь в пещеру. Ей слышалось, как легионы ангелов, пролетая мимо, шептали ей на ухо:

– Пойди и посмотри!

– Почему же мне не пойти? – произнесла она наконец.

– Разве я не могу найти пещеру и увидеть то, что видели другие? Боже, просвети рабу Твою, которая всегда надеялась на Тебя!

Призыв становился непреодолимым.

«Но я не пойду одна, – подумала она. – Если Он – Мессия, то пусть благословит и моих детей». Она спустилась в дом, разбудила свою дочь и поспешно одела ее. Затем, взяв спящего сына на руки, она завернула его в плащ, который набросила себе на плечи, и тихонько, крадучись, как бы боясь, что ее увидят и остановят, переступила порог дома и вышла на дорогу. Кажется, какая-то неведомая сила поддерживала ее и толкала вперед. Уже у поворота дороги она увидела слабый свет, освещающий пещеру. Еще несколько шагов – и она будет у грота. Она крепче прижала к сердцу сына, который сладко улыбался во сне, а другой рукой сжала ручку дочери, смело идущей возле нее.

Но вдруг огонек в пещере потух. Не ошиблась ли она? Женщина заколебалась и остановилась. И вот неожиданное зрелище предстало ее взору. Она увидела, что кто-то движется ей навстречу. Это оказался человек почтенного вида, опирающийся одной рукой на палку. Другой рукой он вел за уздцы осла, на котором сидела совсем молодая женщина. На руках она держала маленького ребенка, завернутого в пелены. Черты Младенца различить было нельзя.

Благородная еврейка остановилась. Она опять начала колебаться. Она привыкла к мысли, что найдет Младенца в яслях, окруженного подарками пастухов и волхвов, свидетельствующих о почитании Его как великими, так и малыми, окруженного, может быть, хорами ангелов, поющих славу Богу, и ярким светом, указывающим на Его Божественное происхождение. Но эти трое путников казались такими робкими и бедными, а их одежда была более чем скромная. Разве это действительно блеск Мессии?

А между тем какой-то инстинкт подсказывал ей, что это те, которых она искала. В эту минуту Путница, державшая на руках Младенца, подняла голову, и при виде Ее дивного лица – идеала кротости и чистоты – сомнения другой женщины растаяли, как снег на солнце.

Подойдя к мужчине, она спросила, дрожа от волнения:

– Это и есть Тот Младенец, о Котором ангелы возвестили вифлеемским пастухам и Которому цари пришли поклониться с востока?

– Да, это Он! – ответил путник.

– Отчего же вы покидаете эту страну?

– По указанию Бога.

– Вы идете далеко?

– Может быть.

– Но в такой поздний час, по незнакомой дороге, с маленьким ребенком и молодой слабой матерью! Зайдите же хоть на несколько часов отдохнуть ко мне! Завтра с восходом солнца, если вы пожелаете, я вам дам слуг, чтобы проводить вас, и носилки, чтобы нести мать и ребенка.

– Благодарю тебя, благородная госпожа, за твое великодушное гостеприимство! Бог тебя за это вознаградит. Но мы ни на минутку не можем остановиться, надо в точности исполнить указание Бога.

– Но отчего же вы не можете отложить ваш отъезд, чтобы путешествовать в лучших условиях?

– Люди злы. Да и никто не имеет права нарушать завет Всевышнего.

Это было сказано таким внушительным тоном, что она не смела больше настаивать.

– Но, по крайней мере, – умоляла она, – не уезжайте, пока я не увижу лица Того, Кто будет Спасителем Израиля. Блаженнейшая из матерей, позволь мне посмотреть на Твоего Сына!

Тронутая этой горячей мольбой, Богородица тихонько приподняла покрывало и показала Младенца, сияющего такой Божественной красотой, что сердце еврейской женщины затрепетало от радости и любви.

– Господи! Благослови Твою рабу и спаси Твой народ!

Младенец открыл глаза.

Он улыбнулся молодой женщине, улыбнулся маленькой девочке, которую та подняла на руки, чтобы она могла лучше Его видеть. Но при виде заснувшего Вениамина улыбка Младенца исчезла. Туман внезапно закрыл Его Божественные черты, и две слезы, заблестевшие в Его глазах, скатились на щеки.

– Что с Тобой, Сын Мой? – прошептала Матерь Божия, с беспокойством наклоняясь к Нему.

И так велика связь между Сыном и Матерью, что Она сейчас же поняла Его тайну и посмотрела на молодую женщину взором, полным такой любви и сострадания, что сердце женщины сжалось от боли. Но в то же время она почувствовала какое-то утешение, так что сама не смогла понять, отчего это.

Туман рассеялся. Черты Младенца приняли прежнее спокойное и почти веселое выражение. Только слезы, как две росинки, остались на Его щеках. Тогда маленькая девочка взяла обеими ручками конец покрывала своей матери и легким, нежным движением осторожно вытерла Божественные слезы. Богородица, улыбаясь, наклонилась и поцеловала девочку в чистое чело, а Иосиф посмотрел на нее благодарным долгим взглядом, который вселил в сердце матери какую-то непонятную радость. И взгляд этот девочка никогда более не могла забыть...

Молодая женщина вернулась домой. Дети опять заснули, но она не могла даже подумать об отдыхе. Со своей террасы смотрела она на дорогу, по которой шло Святое Семейство, и взор ее остановился на том месте, где она потеряла их из виду.

Какое сладостное волнение в душе!

Что-то вроде благодарственного гимна звучало в глубине ее сердца теперь, когда глаза ее увидели наконец Спасение Израиля! Одно только обстоятельство нарушало гармонию ее души – взгляд, который Младенец устремил на ее сына. Какое-то странное ощущение испытывала она всякий раз, когда вспоминала об этом взгляде.

– Господи! – прошептала она в молитве, которую многие матери-христианки повторяли за ней. – Если он должен забыть Тебя, то возьми его теперь же!

Часы проходят незаметно для нее. Звезды бледнеют, начинается рассвет. Лучи солнца золотят верхушки холмов Вифлеема. Небесное светило, как какой-то гигант, пускается в путь.

Вдруг со стороны Вифлеема доносится какой-то странный шум, топот ног, вопли..., и через несколько минут холм и долина наполняются зловещим гулом.

«Что случилось?» – в ужасе подумала молодая мать.

В эту минуту на дороге, ведущей из Вифлеема, показалась человеческая фигура... Бежала женщина, вне себя от безумия, судорожно прижимая к себе малого ребенка. Сзади ее преследовал солдат с мечом в руке. Несчастная упала от изнеможения, солдат вырвал у нее дитя и одним ударом меча разрубил головку невинного создания.

Онемев от ужаса при виде этого страшного зрелища, которому молодая еврейка не могла найти объяснения, она увидела уже другую бегущую женщину с ребенком на руках, но и эту несчастную постигла та же участь. И вот уже третья жертва завязывает безнадежную борьбу с убийцей. Она отчаянно сопротивляется, защищая свое дитя, но убийца уже не один: подбежали другие солдаты, и обессиленная мать, изнемогая в неравной борьбе, падает вместе со своим младенцем.

Материнский инстинкт пробудился в молодой женщине, с ужасом наблюдавшей это безумие. Она схватила полуспящих детей, выбежала из дому, пересекла сад и оказалась на дороге, не встретив никого на пути. На минуту ей показалось, что у нее выросли крылья, и она быстро

достигла того места, где несколько часов тому назад вместе со своими детьми пережила радость встречи с Мессией.

Пещера уже близка. Но вдруг... она услышала за собой грозный оклик. Ее, тщетно укрывавшую под плащом маленького сына, заметили. Она более почувствовала, чем услышала шаги преследующих ее солдат. Стесняемая своей драгоценной ношей, она споткнулась и упала. Солдаты нагнали ее и, пока она пыталась подняться, схватили детей, которые в испуге громко закричали...

– Не вопи так громко, – крикнул преследователь маленькой девочке, – тебя не тронут...

Но мать уже вскочила на ноги. Как львица бросилась она вперед и вырвала своего малютку из рук похитителя, судорожно прижав его к груди.

– А с ним что сделают? – крикнула она. – В чем он более виноват, чем его сестра?

– Не мое дело тебе объяснять, – грубо ответил начальник отряда. – Мне некогда терять время. Солдаты, заберите у нее ребенка!

– Никогда! – вырвалось из ее груди. – Его жизнь вы получите только вместе с моей!

Солдат равнодушно пожал плечами.

– Довольно крика! Я с самого утра это слышу!..

Женщина посмотрела на него с невыразимым ужасом.

– В конце концов, – продолжал он с жестокой улыбкой, – это несправедливо – делать тебе исключение. Разве ты не слышишь крики и вопли? В Вифлееме не осталось теперь ни одного ребенка мужеского пола моложе трех лет.

– Кто же эти изверги без сердца, – вскрикнула обезумевшая женщина, – которые придумали такую бойню?

– Я не должен давать тебе в этом отчета, – грубо ответил легионер. – Довольно. Надо кончать обоих...

– Отберите этого ребенка, – приказал он солдатам, – или же убивайте обоих!

Тогда женщина решила испытать последнее средство убеждения этих наемных убийц, которые, как она думала, все же евреи.

– Если вас не обезоруживает невинность младенца, – умоляла она, – то пощадите его по крайней мере потому, что в нем течет кровь царей!

– Тем более, – захохотал с дикой радостью разбойник.

И добавил:

– Теперь мы можем рассчитывать на награду Ирода!

При слове «Ирод» сознание матери вдруг прояснилось: бегство трех путников, их отказ остановиться, эти таинственные слова «люди злы», взгляд и слезы Иисуса, дикий и торжествующий крик убийцы...

Она все поняла.

В своем ревнивом и беспредельном гневe Ирод преследует Божественного Царя, и сын ее должен стать жертвой за Мессию! И тогда в душе этой бедной женщины героизм веры побеждает материнскую любовь.

Подняв на руки своего сына, она воскликнула:

– Господи! Я отдаю Тебе его, но возьми с ним также и меня!

* * *

Солдаты ушли.

На пыльной дороге, как роза с бутоном, сорванные со стебля, на том месте, где недавно прошло Святое Семейство, лежали мать и ребенок. Раздраженные ее долгим упорством, солдаты одним ударом скосили обе жизни, и жестокий Ирод насчитал одной жертвой больше...

Оставшись одиноким свидетелем этой ужасной драмы, маленькая девочка безумно рыдала у безжизненного тела своей любимой матери. Этот детский голос! Может ли он остановить на пути к Небесам улетающую душу матери? И вдруг... умирающие глаза молодой жен-

щины приоткрылись. Своей похолодевшей уже рукой она сделала знак дочери приблизиться. Сняв с большим трудом покрывало с головы, она отдала его малышке и слабеющим голосом прошептала:

– Возьми его и храни, как самое драгоценное сокровище: им вытерты слезы Младенца-Бога!

По преданию, это было то самое покрывало, которое спустя 33 года благочестивая иерусалимская женщина Вероника отдала проходившему мимо нее на Голгофу Христу, чтобы Он могтереть им пот и кровь со Своего лица. Когда Божественный Страдалец возвратил ей покрывало, на нем оказались отображенными черты Его лица.

...А пока, безутешно плача над бездыханными телами матери и брата, девочка держала в руках драгоценное покрывало, которым были вытерты слезы Богомладенца.

Она не знала, что спустя много лет именно на этом покрывале останутся следы пота и крови Спасителя мира – Иисуса Христа, идущего на крестную смерть.

По христианскому преданию, Вероника была той самой женщиной, которую Спаситель исцелил от кровотечения... Впоследствии изобразившийся на покрывале Лик Спасителя был перевезен в Рим и отдан святому Клименту, епископу Римскому.

Бегство в Египет

Восточное сказание

Далеко, в одной из пустынь восточных стран, росла с незапамятных времен пальма. Она была очень стара и невероятно высока. Все проходившие через пустыню останавливались и любовались ею, потому что она была гораздо выше остальных пальм, и можно было сказать, что она выше обелисков и пирамид.

И вот, одиноко стоя и глядя в пустыню, она заметила однажды нечто, до того удивительное, что могучая вершина ее закачалась от изумления. Там, на краю пустыни, двигались двое одиноких людей. Они были на таком далеком расстоянии, когда верблюды кажутся не больше муравья, но все-таки это несомненно были двое людей. Этих чужестранцев, постоянных путников пустыни, пальма хорошо знала: это были мужчина и женщина, с ними не было ни проводников, ни вьючных животных, ни палаток, ни бурдюков с водой.

– Они пришли сюда, вероятно, чтобы умереть, – подумала вслух пальма и быстро осмотрелась кругом.

– Удивительно, – продолжала она, – львы еще не насторожились, завидя добычу. Я не вижу, чтобы хоть один из них пошевелился. Я не вижу и разбойников; они, вероятно, еще появятся.

– Им грозят семь видов смерти, – думала пальма, – их пожрут львы, ужалят змеи, их иссушит жажда, погребут пески, на них нападут разбойники, их сожжет солнце, они погибнут от страха.

И она старалась думать о чем-нибудь другом, но судьба этих людей беспокоила ее. И, куда ни обращала она свой взор, она видела только то, что было знакомо ей уже тысячи лет. Ничто не привлекало ее внимание, мысли ее снова обращались к двум путникам:

– Клянусь засухой и бурей! – сказала она, призывая опаснейших врагов жизни. – Что это несет в руках женщина? Мне кажется, эти безумцы несут с собой и ребенка.

Пальма, которая была дальнзорка, как все старцы, не ошиблась. Женщина несла на руках ребенка, который спал, положив голову ей на плечо.

– Дитя почти раздето, – продолжала пальма, – я вижу, как мать прикрывает его своим плащом. Она второпях схватила его с постели и отправилась в путь. Теперь я понимаю: эти люди – беглецы.

– И все-таки они безумцы, – шептала пальма. – Если их не охраняют ангелы, лучше им было бы все претерпеть от врагов, чем отправляться в пустыню. Я представляю себе, как все это произошло. Муж стоял за работой, ребенок спал в колыбели, а жена вышла за водой. Сделав несколько шагов от двери, она увидела приближающихся врагов. Она бросилась назад, схватила ребенка, крикнула мужа, и они побежали! Целый день провели они в пути, не останавливаясь ни на минуту.

Вот как это все произошло. Но, – повторяю, – если их не охраняют ангелы... Они так напуганы, что не чувствуют ни усталости, ни других страданий, но я вижу жажду в глазах их. Мне ли не знать лицо человека, который мучается от жажды!

И, когда пальма подумала про жажду, судорожная дрожь пробежала по ее высокому столбу, а бесчисленные острия длинных листьев сжались, как от дыхания огня.

– Если бы я была человеком, – говорила она, – я никогда не отважилась бы отправиться в пустыню. Надо быть безумцем, чтобы идти сюда, не имея корней, которые простираются до никогда не высыхающих родников.

Здесь опасно и для пальмы. Даже для такой пальмы, как я! Если бы я могла дать им совет, я уговорила бы их вернуться. Враги никогда не смогут быть так жестоки к ним, как пустыня. Может быть, им кажется, что в пустыне легко жить, но я знаю, что даже и мне иногда трудно

приходится. Я помню, как еще в молодости ветер нанес надо мной целую гору песка, и я едва не задохнулась; если бы я могла умереть, это был бы мой последний час.

Пальма продолжала думать вслух по привычке старых пустынников:

– Я слышу какой-то чудный мелодичный шелест в моих ветвях, – говорила она, – все острия моих листьев трепещут; не понимаю, что со мной делается при виде этих бедных чужестранцев. Эта грустная женщина так прекрасна, она заставляет меня вспомнить самое чудесное явление в моей жизни.

И под мелодичный шелест листьев вспомнилось пальме, как много-много лет назад этот оазис посетило двое знатных людей. Это были царица Савская и мудрый Соломон. Прекрасная царица возвращалась домой, царь Соломон провожал ее часть пути, а теперь они должны были расстаться.

– В память этого часа, – сказала царица, – я сажаю в землю финиковую косточку, и я хочу, чтобы из нее выросла пальма, которая будет жить и расти, пока в стране Иудейской не родится Царь, который будет выше Соломона.

Сказав это, она посадила в землю косточку и оросила ее своими слезами.

– Почему я вспомнила об этом именно сегодня? – подумала пальма. – Неужели эта женщина напоминает мне своей красотой прекраснейшую из цариц, по слову которой я выросла и живу до сегодняшнего дня? Я слышу, как листья мои шелестят все громче, и шелест их печален, как песнь смерти. Они словно предсказывают, что скоро прекратится чья-то жизнь. Хорошо, что я знаю, что никогда не умру.

Пальма думала, что печальный шелест ее листьев предсказывал смерть этим одиноким путникам, да и они сами, вероятно, думали, что приближается их последний час. Это было видно по выражению их лиц, когда они проходили мимо скелетов верблюдов, лежавших на дороге. Это видно было по взглядам, которыми они проводили пролетающих коршунов. Да иначе не могло и быть – они должны погибнуть. Они заметили пальму и оазис и быстро направились к ним в надежде найти воду, но, придя туда, они остановились в отчаянии, потому что источник иссяк. Утомленная женщина положила ребенка на землю и села, плача, на берегу источника. Мужчина бросился рядом с ней на землю и стал бить песок кулаками. Пальма слышала, как они говорили между собой, что им придется умереть. Она узнала также из их слов, что царь Ирод велел убить всех вифлеемских мальчиков двух-трех лет, боясь, что среди них родился ожидаемый Великий Царь Иудейский.

– Мои листья шелестят все громче, – думала пальма, – пришел последний час этих несчастных беглецов.

Она поняла, что оба они боятся пустыни. Муж говорил, что лучше было бы остаться и вступить в бой с воинами, чем бежать от них. Они погибли бы более легкой смертью.

– Бог поможет нам, – ответила жена, – мы беззащитны против хищных зверей и змей.

– У нас нет ни пищи, ни питья, – сказал муж, – как может помочь нам Бог?

Он разорвал в отчаянии свое платье и прижался лицом к земле. Он потерял всякую надежду, как человек, смертельно раненный в сердце. Жена сидела, выпрямившись, сложив руки на коленях, но взгляд ее, которым она смотрела на пустыню, говорил о безграничном, безутешном горе. Пальма слышала, как тоскливый шелест становился все громче; женщина, вероятно, также услышала его. Она подняла голову и сейчас же невольно протянула руки к вершине дерева.

– О, финики, финики! – воскликнула она.

В ее голосе было такое страстное желание, что пальме захотелось быть не выше кустарника дрока, и чтобы финики ее было так же легко сорвать, как цветы шиповника. Она знала, что вершина ее покрыта гроздьями фиников, но как могут люди достать их на такой головокружительной высоте?

Муж уже видел, как недостижимо высоко висели финики. Он не поднял и головы и попросил жену не мечтать о невозможном. Но ребенок, игравший травками и стебельками, услышал восклицание матери. Малютке и в голову не могло прийти, что мать не может получить того, чего желает. Как только он услышал про финики, то начал смотреть на дерево. Он думал и соображал, как бы их достать. Лобик его наморщился под светлыми кудрями. Наконец на личике его появилась улыбка. Он придумал способ: он подошел к пальме, ласково погладил ее своими ручонками и сказал нежным детским голоском:

– Пальма, наклонись! Наклонись, пальма!

Что это? Что произошло? Листья пальмы затрепетали, словно по ним пронесся ураган, а по высокому стволу пробежала дрожь. И пальма почувствовала, что малютка был сильнее ее. Она не могла противиться ему. И она склонилась своим высоким стволом перед ребенком, как люди склоняются перед властелинами. В своем глубоком поклоне она нагнулась до земли так, что верхушка ее с дрожащими листьями легла на песок.

Ребенок не казался ни испуганным, ни удивленным.

С радостным криком подбежал он к вершине пальмы и стал рвать с нее гроздь за гроздь. Ребенок набрал уже много фиников, а дерево все еще продолжало лежать на земле. Тогда мальчик подошел к ней, и снова ласково погладил, и нежно сказал:

– Пальма, поднимись! Поднимись, пальма!

И громадное дерево тихо и благоговейно выпрямило свой гибкий ствол, и листья ее зазвенели, словно арфа.

– Теперь я знаю, кому они пели песнь смерти, – сказала пальма, когда снова выпрямилась, – не этим людям.

Муж и жена, стоя на коленях, славили Бога:

– Ты видел нашу печаль и взял ее от нас. Ты сильный, склоняющий ствол пальмы, как гибкий тростник! Каких врагов трепетать нам, когда сила Твоя охраняет нас!

Вскоре через пустыню шел караван, и путники увидели, что вершина пальмы завяла.

– Как это могло случиться? – сказал один из путников. – Эта пальма не должна была умереть раньше, чем увидит Царя, более славного, чем Соломон!

– Может быть, она и увидела его, – ответил другой путник.

В Назарете

Притча

Как-то раз, когда Иисусу было всего еще пять лет, он сидел на пороге мастерской своего отца и из куска мягкой глины, которую дал ему гончар, живший на другой стороне улицы, усердно лепил глиняных птиц. Иисус чувствовал себя счастливым, как никогда: соседские мальчишки говорили ему, что гончар – человек суровый, которого нельзя ни смягчить дружеским взглядом, ни упросить ласковым словом. И вдруг такой человек подарил ему глины.

Иисус и сам хорошенько не знал, как это произошло. Он помнил только, что стоял на своем пороге и пристальным взором следил, как сосед работал над различными формами, – и вдруг тот вышел из лавки, подошел к Иисусу и подарил ему такой большой ком глины, что из него можно было бы сделать большую кружку для вина.

На ступеньке лестницы соседнего дома сидел некрасивый рыжий мальчик Иуда. От постоянных драк с уличными мальчиками лицо его было покрыто бесчисленными синяками, а одежда на нем висела клочьями.

В эту минуту он сидел спокойно, никого не задирав, ни с кем не дрался, а был занят, так же, как и Иисус, работой из глины. Но получить эту глину сам он не смог: он старался не попадаться угрюмому гончару на глаза, потому что частенько бросал камнями в его хрупкую глиняную посуду, и, подойди он попросить глины, гончар прогнал бы его палкой.

Глиной поделился с ним Иисус.

Когда птицы были готовы, каждый из мальчиков поставил их перед собой полукругом. Вид у них был такой же, как у глиняных птиц всех времен: вместо ног большой серый ком глины, чтобы можно было их поставить, короткие хвосты, никакого намека на шею и едва заметные крылья. Но разница между работой маленьких приятелей сейчас же сказалась: птицы Иуды были так плохо сделаны, что не могли стоять и сейчас же падали, перевортываясь вверх ногами, и, сколько он ни старался придать им красивую форму и устойчивость, маленькие жесткие пальцы его не слушались и ничего не выходило.

Время от времени он исподтишка взглядывал в сторону Иисуса, чтобы посмотреть, как это он ухитряется вылепливать птиц такими ровными и гладкими, как дубовые листья в лесу на горе Фавор.

С каждой новой птицей Иисус чувствовал себя все счастливее. Одна казалась красивее другой, и он с гордостью и любовью смотрел на них, не отрывая взгляда. Они будут товарищами его игр, его маленькими сестренками, будут спать у него в кровати, вести с ним беседы и петь ему песни, когда мать будет выходить из дома и оставлять его одного. Теперь уж никогда он не будет чувствовать себя покинутым и одиноким.

В это время мимо мальчиков проходил громадного роста водонос, согнувшись под тяжестью своей ноши, а за ним ехал верхом на осле, весь окруженный большими пустыми ивовыми корзинами, торговец зеленью. Водонос положил свою руку на кудрявую светлую головку Иисуса и спросил его о птицах. Иисус с живостью начал рассказывать, что у каждой из них есть свое имя и что они умеют петь. Все эти маленькие птички прилетели к нему из чужих стран и рассказали ему такие истории, которые знают только они да он. Иисус рассказывал обо всем этом так интересно, что водонос и торговец зеленью заслушались и совсем забыли о своих делах.

Когда они собрались наконец уходить, Иисус показал им на Иуду и сказал:

– А посмотрите, каких красивых птиц сделал Иуда!

И торговец зеленью придержал своего осла и ласково спросил Иуду, есть ли имена у его птиц и умеют ли они петь. Но Иуда не обратил на него внимания и молча, с упрямым видом,

не бросив взгляда, продолжал свою работу. Торговец зеленою сердито отбросил ногой одну из его птиц и поехал дальше.

Так прошел день.

Солнце опустилось так низко, что лучи его проходили уже сквозь низкие, украшенные римским орлом ворота, в которые упиралась улица. Кроваво-красные вечерние лучи заходящего солнца, скользя по узкой улице, окрашивали все, что попадалось им по дороге, в яркий пурпур. Посуда горшечника, доска, скрипевшая под пилою плотника, платок на голове Марии – все это стало огненно-багровым. Но красивее всего сверкали лучи в маленьких лужах воды, скопившихся между большими неровными каменными плитами, которыми была вымощена улица. И вдруг Иисус окунул свою руку в ближайшую лужицу; ему пришло в голову выкрасить своих серых глиняных птичек этой чудесной краской пурпурных лучей, сверкавших в воде и обливавших пылающим заревом стены домов и всю улицу. И солнечные лучи радостно дали поймать себя, и, когда Иисус провел рукой по маленьким глиняным птицам, лучи покрыли их с головы до ног бриллиантовым блеском.

Иуда, по временам взглядывавший на Иисуса, чтобы убедиться, сколько птиц готово у него и красивей ли они его птиц, громко вскрикнул от восторга, увидав, как Иисус выкрасил своих глиняных птичек солнечным лучом, игравшим в обыкновенной лужице.

Иуда сейчас же окунул свою руку в сверкавшую воду и тоже хотел поймать солнечный луч. Но луч не дался ему и проскользнул у него между пальцев, и, как быстро ни двигались его руки, лучи ускользали от него и он не мог окрасить ни одной из своих птиц.

– Постой, Иуда, – сказал Иисус, – дай я помогу тебе выкрасить птичек.

– Не надо, – ответил Иуда, – не смей трогать моих птиц. Они и так хороши!

И он поднялся на ноги, нахмурил лоб, стиснул зубы и вдруг с яростью стал топтать своих птичек. Одна за другой обращались они в маленькие, плоские комки глины. Раздавив всех своих птиц, Иуда подошел к Иисусу, который продолжал сидеть и красить своих птичек. Они сверкали, как драгоценные камни.

С минуту Иуда стоял и молча разглядывал их, а потом поднял ногу и наступил на одну. Когда Иуда отдернул свою ногу и увидал, что маленькая птичка превратилась в комок серой глины, его охватило злорадство, он грубо захохотал и опять поднял ногу, чтобы раздавить следующую.

– Иуда! – закричал Иисус. – Что ты делаешь? Ведь они живые! Они поют!

Иисус огляделся кругом, как бы прося помощи. Иуда был больше его, и у Иисуса не хватило бы силы удержать его, он искал глазами мать. Она была недалеко, но, прежде чем она успела бы подойти, Иуда мог бы раздавить всех его птиц.

Глаза Иисуса наполнились слезами. Под ногами Иуды валялись уже четыре раздавленных птицы, осталось всего только три! Иисусу было больно и горько, что птицы продолжали лежать спокойно и не пытались спастись, позволяли давить себя одну за другою. Тогда Иисус захлопал в ладоши, чтобы спугнуть их, и закричал:

– Улетайте! Улетайте!..

И три оставшиеся птички вдруг ожили, задвигали своими маленькими крылышками и, боязливо вспорхнув, перелетели на край крыши, где им уже не грозила опасность.

Иуда, увидев, что птицы по приказанию Иисуса из глиняных стали живыми, распустили крылья и полетели, зарыдал, бросился к ногам Иисуса и начал рвать на себе волосы, как это делали взрослые, когда с ними случалось большое горе. Как собака, ползал Иуда перед ним по каменным плитам, целуя его и умоляя, чтобы Иисус раздавил его ногой так же, как он раздавил глиняных птиц, потому что Иуда в одно и то же время и любил Иисуса, и восхищался им, и боготворил его, и вместе с тем ненавидел его.

Мария, все время молча следившая за игрой детей, теперь встала, подняла Иуду с земли, посадила себе на колени и приласкала его.

– Бедный мальчик! – сказала она. – Ты не понимаешь, что ты поступил так, как ни одно живое существо не смеет поступать. Никогда не делай этого, если не хочешь сделаться самым несчастным из людей. Горе тому человеку, который захочет сравняться с Тем, Кто может солнечные лучи превращать в краску и мертвой глине придавать дыхание жизни!

Дары персидского царя волхва Артабана к Рождеству Господа нашего Иисуса Христа

Восточное сказание

Во дни Ирода царя, когда в убогой пещере близ Вифлеема родился Спаситель мира Иисус Христос, на небе загорелась громадная, невидимая ранее звезда, которую видели и в восточных странах.

Звезда сияла ярким, блестящим светом; она медленно, но постоянно двигалась в одну сторону – туда, где находилась земля еврейского народа.

Звездочеты восточных стран, или, как их называли на родине, волхвы-маги, обратили внимание на это небесное светило. По их мнению, это было Божие знамение, что где-то родился давно предсказанный в еврейских книгах Великий Царь израильский, избавитель людей от зла, учитель новой, праведной жизни.

Некоторые из волхвов, особенно толковавших о Божией правде на земле и скорбевших, что в людях так сильно развелось беззаконие, решили идти искать рожденного Царя, чтобы поклониться и послужить Ему, но где же Его найти, наверное не знали.

Может быть, придется ехать далеко, а дороги в ту пору были трудные, поэтому волхвы решили сначала собраться в определенном месте всем, а затем общим караваном направиться по указанию движения звезды на поиски рожденного Царя.

Вместе с другими волхвами собрался на поклонение и великий персидский мудрец Артабан. Он продал все свои имения, богатый дом в столице и на вырученные деньги купил три драгоценных камня: сапфир, рубин и жемчужину.

Целое сокровище заплачено было за них, зато и красота их была редкостная. Один сиял, как частица голубого неба в ясную погоду, другой горел ярче пурпурной зари при восходе солнца, третий белизной превосходил снежную вершину горы.

Все это вместе с сердцем, полным самой горячей, беззаветной любви, Артабан думал сложить у ног рожденного Царя истины и добра.

Собрал в своем бывшем доме Артабан последний раз друзей, простился с ними и отправился в путь до места сбора, куда надо было ехать несколько дней.

Артабан не боялся опоздать. Конь под ним был борзый и крепкий. Время он высчитал точно и каждый день исправно проезжал необходимый отрезок пути.

В последние сутки ему оставалось проехать несколько десятков верст, и он хотел ехать всю ночь, чтобы с зарей прибыть к назначенному месту.

Верный конь быстро ступал под ним. Ночной ветерок навевал прохладу. Над головой в бесконечной дали небосклона, как яркая звезда, как яркая лампада перед Престолом Бога, сияла Новая Звезда!

– Вот он, знак Божий! – говорил себе Артабан, не сводя глаз со звезды. – Великий Царь пришел к нам с неба, я скоро увижу Его! Увижу Тебя, мой Царь!.. Прибавь, друг, еще шагу! – подбадривал своего коня и ласково трепал его по гриве.

И конь прибавлял шаг. Громко и четко ступали его копыта по дороге среди пальмового леса.

Мрак ночной начал редеть, кое-где слышалось чириканье просыпающихся птиц. Чувалась близость наступающего утра. Вдруг конь остановился, заржал, стал пятиться назад. Артабан глянул вперед, взгляделся в дорогу и почти у самых ног коня увидел распростершегося на земле человека. Он быстро слез с коня, подошел к лежащему и осмотрел его. Это был еврей, обессиленный страшным недугом, сильным приступом ужасной в тех местах лихорадки. Его можно было принять за мертвеца по виду, если бы не слабый, едва слышный стон, который изредка вырывался из его запекшихся губ. Артабан задумался: ехать мимо и торопиться к назначен-

ному месту сбора, оставив больного, не позволяет ему совесть, а чтобы оставаться с больным, чтобы поднять его на ноги, на это надо потратить много часов, и тогда опоздаешь к установленному сроку. Уедут без него.

– Что делать? – спрашивал себя Артабан и решил. Он занес уже ногу в стремя, но больной почувствовал, что его покидает последняя надежда на помощь, и застонал так тяжело, что стон больного отозвался в сердце Артабана.

– Боже Великий! – взмолился он. – Ты знаешь, как я стремлюсь к Тебе, направь меня на правый путь. Твой голос любви говорит в моем сердце. Я не могу проехать мимо. Я должен помочь несчастному еврею.

С этими словами он подошел к больному, развязал ему одежды, принес из ручья воды, освежил ему лицо и запекшиеся губы. Затем достал из приделанного к седлу тюка какие-то лекарства, которых у него был большой запас, подмешал их к вину и влил в уста больного. Потом Артабан растирал несчастному грудь и руки, давая ему что-то нюхать. И так он провел несколько часов.

Заря давно миновала, солнце уже высоко поднялось над лесом, время близилось к полудню. Больной пришел в себя, поднялся на ноги и не знал, как благодарить доброго незнакомца.

– Скажи, кто ты? – спрашивал Артабана еврей. – Скажи, за кого я и моя семья будем молить Бога до последних дней нашей жизни? Скажи, почему лицо твое так печально, какое горе сокрушает тебя?

Артабан с грустью поведал о том, куда он едет и что теперь, наверное, опоздал.

– Мои товарищи, конечно, уже уехали! – говорил он. – И я не найду и не увижу желанного Царя!

Лицо еврея осветилось радостью.

– Не грусти, благодетель, я могу хоть немного отплатить тебе за твое добро. В моих священных книгах сказано: обещанный от Бога Царь Правды родится в иудейском городе Вифлееме. Пусть твои друзья уехали; ты поезжай в Вифлеем, и если Мессия родился, то ты найдешь Его там.

И еврей, простившись и еще раз поблагодарив, пошел своей дорогой. Артабан вернулся назад. Одному нечего было и думать ехать через пустыню. Надо взять для охраны слуг, купить верблюдов, набрать провизии и запастись водой!

Прошла неделя. Пришлось продать один камень, чтобы снарядить караван. Продажей Артабан не очень печалился, оставалось еще два камня – главное, не опоздать бы к Царю. И он усиленно спешил и торопил слуг.

Вот наконец и Вифлеем. Усталый, счастливый, веселый, запыленный, подъехал он к первому домику, быстро вошел внутрь и засыпал хозяйку вопросами: не были ли в Вифлееме пришлые люди с Востока, к кому они обращались и не знает ли она, где они теперь?

Хозяйка, молодая женщина, кормила младенца грудью. Сначала смутилась видом незнакомца, потом успокоилась и рассказала, что несколько дней тому назад приходили сюда какие-то люди к Марии из Назарета и принесли Ее Младенцу богатые дары. Куда девались эти люди, неизвестно. А Мария с Младенцем и старцем в ту же ночь скрылись из Вифлеема. В народе толкуют, что они ушли в Египет. Пока она рассказывала, младенец сладко заснул и улыбка играла на его прекрасном лице.

Артабан не успел еще обдумать, что ему делать, как на улице послышался шум, дикие крики, лязг оружия и надрывающийся женский крик и плач. Полураздетые женщины, простоволосые, с искаженными лицами, бежали куда-то вдоль селения, неся на руках своих младенцев, и вопили:

– Спасайтесь! Солдаты Ирода убивают наших младенцев!

Лицо молодой женщины побелело, глаза расширились: прижав к себе спящего ребенка, она могла только сказать:

– Спаси моего ребенка! Спаси его, и Бог спасет тебя!

Артабан, не помня себя, бросился к двери. Там, за порогом, стоял уже начальник отряда, а за ним виднелись зверские лица воинов с окрашенными кровью невинных младенцев мечами. Руки Артабана как-то невольно рванулись к груди, он быстро достал мешочек из-за пазухи, выхватив драгоценный камень и подал начальнику отряда:

– Возьми этот камень и оставь женщину и ее дитя!

Тот, не видев отроду такой драгоценности, схватил жадно камень и увел своих воинов в другое место доканчивать свое зверское дело.

Женщина, плача на коленях перед Артабаном, голосом, идущим от сердца, с благодарностью говорила:

– Да благословит тебя Господь за моего ребенка! Ты ищешь Царя Правды, любви и добра, да воссияет пред тобой Лик Его и да взирает Он на тебя с такой любовью, с какой я теперь смотрю на тебя!

Бережно поднял ее на ноги Артабан, и слезы, не то радости, не то грусти, текли по его щекам.

– Боже Истины, прости меня! Ради этой женщины и ее ребенка я отдал предназначенный Тебе дар – камень. Увижу ли я Тебя когда-нибудь? И здесь я опять опоздал. Пойду вслед за Тобой в Египет.

И долго бедный волхв ходил, отыскивая Царя Правды. Много перевидел он разного народа, а искомого Царя найти не мог. И больно сжималось его сердце, не раз плакал он горькими слезами.

«Господи! – думалось ему. – Сколько везде горестей, и мук, и несчастий. Скоро ли Ты явишь Себя, чтобы облегчить жизнь людям?»

От продажи первого камня оставалось много денег, и он помогал людям, лечил их, утешал в печали, навещал узников, и годы его жизни за этими трудами убегали так быстро, как бегают челнок ткача по вырабатываемой ткани. Последнюю жемчужину он хранил бережно у сердца, думая, как бы поднести ее в дар Царю, когда он отыщет Его!

Прошло 33 года, как Артабан оставил родину. Стан его сгорбился, волосы побелели, глаза померкли, руки и ноги ослабли, а в сердце по-прежнему неослабно горела любовь к Тому, Кого он искал с давних пор.

И прослышал тут престарелый Артабан, что в Иудее появился Посланник Великий Божий, что Он совершает дивные дела: воскрешает мертвых, отверженных грешников и отчаянных злодеев делает святыми. Радостно забилося сердце Артабана. «Теперь, – подумал он, – я найду Тебя и послужу Тебе».

Пришел мудрец в Иудею. Смотрит – весь народ идет в Иерусалим на праздник Пасхи. Там где-то есть и Пророк Иисус, которого чаял видеть волхв. С толпами богомольцев достиг Артабан священного города. Видит: на улицах большое движение, людской поток куда-то неудержимо льется: все бегут, толкая и обгоняя друг друга.

– Куда это спешат люди? – спрашивает Артабан.

– На Голгофу! Так за городом называется один холм. Там сегодня вместе с двумя разбойниками распинают Иисуса из Назарета, Который назвал Себя Сыном Божиим – Царем Иудейским!

Упал на землю Артабан и горько зарыдал:

– Опять я опоздал! Не дано мне видеть Тебя, Господи! Не пришлось и послужить Тебе!

«А впрочем, – думал Артабан, – может быть, еще и не поздно. Пойду я к мучителям, предложу мою жемчужину, и, может быть, они Ему возвратят свободную жизнь!»

Поднялся Артабан и, как мог, поспешил за толпой на Голгофу. На одном из перекрестков ему преградил дорогу отряд солдат. Воины тащили девушку редкой красоты в тюрьму. Она увидела волхва, по одежде приняла его за перса и, ухватившись за край его одежды, закричала:

– Сжался надо мною! Освободи меня! Я с тобой из одной стороны. Мой отец приехал сюда по торговым делам и привез меня с собой, но заболел и умер. За долги отца меня хотят посадить в тюрьму и продать в рабство, обречь на позор. Спаси меня! Избавь от бесчестья! Молю тебя, спаси меня!

Задрожав, старый волхв вспомнил избиение младенцев в Вифлееме. Снова вспыхнула в сердце мысль: сохранить ли камень для Великого Царя или отдать его в помощь несчастной? Любовь и жалость к невольнице взяли верх. Достал Артабан с груди последнюю жемчужину и отдал ее девушке.

– Вот тебе выкуп, дочь моя! Тридцать три года берег я это сокровище для моего Царя, но, видимо, недостойн я поднести его в дар Ему!

Пока он говорил, небо заволокло тучами, и среди дня тьма налегла на землю. Земля словно тяжело вздохнула, затряслась. Загремел гром, молния прорезала небо от края и до края; послышался треск, задрожали дома, стены покачнулись, дождем посыпались камни.

Тяжелая черепица сорвалась с крыши и разбила голову старцу. Он повалился на землю бледный, истекая кровью. Девушка наклонилась над ним, чтобы оказать ему помощь. Артабан зашевелил губами и стал что-то шепотом говорить. Глаза его открылись, засветились радостью, по лицу разлилась кроткая улыбка. Казалось, умирающий видит кого-то перед собою и беседует с ним.

Девушка нагнулась ближе к волхву и услышала, как он прерывающимся голосом говорил:

– Господи! Да когда же я Тебя видел голодающим и накормил Тебя? Когда видел Тебя жаждущим и напоил Тебя? Когда приютил Тебя странником? Одел Тебя нагого? Тридцать три года блуждал я из страны в страну и искал Тебя, и ни разу не видел лица Твоего и не мог послужить Тебе, моему Царю, на земле!

Старик умолк. Грудь вздымалась. Сквозь нависшие тучи пробился луч солнца и осветил лицо волхва. Подул тихий ветерок, шелестя волосами умирающего, и вместе с этим ветерком откуда-то с выси донесся ласковый голос:

– Истинно говорю тебе: все то, что ты сделал нуждающимся братьям Моим, то сделал Мне!

Лицо Артабана преобразилось. На него легла печать великого спокойствия и самой светлой радости. Он облегченно вздохнул всей грудью, поднял к небу благодарно свои очи и навеки почил. Кончились долгие странствия великого волхва. Нашел наконец Артабан Великого Царя Спасителя, и были приняты его дары!

Странствующий еврей

Древняя притча

Толпа волновалась и шумела у претории, и раздавались полные бешеной злобы крики:

– На Голгофу, на Голгофу! Распять Иисуса, лжепророка и обманщика!

В белой тоге, с непокрытой головой вышел к народу Пилат. Лицо его было бледно, взгляд тревожен.

– Чего хотите вы от меня? – крикнул он толпе.

– Я при вас допрашивал Иисуса и не нашел за Ним вины, ни в словах Его, ни в Его делах. Я посылал Его к Ироду – и тот признал Его невиновным. Чтобы потешить вас, я подверг Его бичеванию, вы терзали Его терновым венцом, вы плевали на Него и били Его по лицу. Если Он и правда не исполнял закона Моисеева, то разве не довольно Он уже наказан?

Но еще более злобные, более сильные крики раздавались в ответ Пилату:

– Нет! Пусть умрет Он! Смерть Ему! Распять! Распять! На Голгофу!

Пилат приказал центуриону унять народ. Пронзительный звук трубы заставил на минуту смолкнуть разволновавшуюся толпу.

Проконсул, нагнувшись к народу, крикнул:

– Уйдите от меня! Не могу я казнить невинного!

Но тогда над недовольным гулом и ропотом толпы выделился голос первосвященника Каиафы:

– Иисус – преступник! Он в глаза уже назвал Себя Сыном Божиим! Я так был поражен этим богохульством, что разорвал одежды свои! Кроме того, Он называет Себя царем, а это значит – Он враг кесарю! Будь осторожен, Пилат! Если ты освободишь Этого Человека, ты будешь заодно с изменником кесарю!

При имени кесаря управитель затрепетал. В словах первосвященника он видел угрозу доноса, ему грозил гнев Тиберия. Но он все еще не хотел осудить Того, Кого и сам Ирод признал невиновным.

И он еще раз попытался спасти Иисуса.

– Слушайте! – сказал он. – Наступает день Пасхи, и вы можете отпустить одного из приговоренных. Пусть приведут сюда Иисуса, и пусть отыщут в тюрьме Варавву, грабителя, и вы решите, кого из них помиловать, разбойника или Назарянина...

– Варавву, Варавву! – кричала толпа, подстрекаемая священниками.

Первым привели Иисуса. Между двух солдат, в красной мантии на плечах, в терновом венце на голове, с тростью взамен скипетра в руках, появился Он перед толпой и глядел на нее скорбными, полными слез глазами.

Трепет охватил Его обвинителей, и только самые отчаянные пытались смеяться.

– Се, Человек! – сказал Пилат голосом, полным сострадания.

В эту минуту ликторы привели Варавву, упирающегося и сопротивляющегося.

– Решайте, евреи! – начал снова Пилат. – Вот человек, если и может быть виновным, то только в обмане. И вот рядом с ним другой, преступления которого многочисленны и доказаны. Он хотел похитить драгоценности из храма; сорвал золотые украшения со святыни, убив пятерых евреев и двух воинов римских. Который же из них, по-вашему, больше заслуживает помилования?

Сильное волнение охватило народ. Самые упорные колебались. Но толпа состояла большей частью из подонков иерусалимской черни, и среди них было немало товарищей Вараввы, его соучастников в преступлениях, и раздались их голоса, грубые и угрожающие:

– Варавву, мы хотим Варавву!

И все другие, подчиняясь страху перед этими негодяями, закричали вместе с ними:

– Варавву, Варавву! Отпусти нам Варавву! Распни Иисуса!

Тогда Пилат велел принести серебряный сосуд с водою.

– Пусть, – крикнул он, – Иисус умрет! Но не я приговорил Его, а вы. Я умываю руки свои от крови Этого невинного!

И среди гиканья, проклятий и криков торжествующей толпы Пилат омыл в воде руки. И вслед за тем эти руки подписали несправедливый приговор, а на одной из них сверкал золотой перстень, печатью которого этот приговор утверждался от имени кесаря.

По направлению к Голгофе уже спешил народ, чтобы посмотреть на казнь Иисуса.

Один человек бежал быстрее, чем другие. Это был Исаак Лакадем. Он был в претории и был один из тех, которые громче всех кричали, требуя смерти Сына Божия! И так как дом его стоял на дворе, по которому приговоренные к крестной казни шли к роковому холму, то он поторопился домой, радуясь, что, может быть, стоя на своем пороге, будет радоваться зрелищу шествия на казнь. Подходя к дому, Исаак увидел жену свою, ожидавшую на улице известий об окончательном решении Пилата. Исаак еще издали радостно замахал ей рукой, крича:

– Приговорен, приговорен!

Но жена его, услыша это, поникла головою.

– Почему же ты не радуешься, как другие? – спросил ее Исаак. – Разве не справедливо казнить смертью обманщика, называвшего Себя Сыном Божиим?

– А если Он и вправду Сын Божий? – прошептала жена.

– Сын Божий? Он-то, Который водился с отребьем, с бродягами, с нищими, прокаженными? Который покровительствовал грешникам, допускал их к Себе, прощал им беззакония их? Который помешал побить камнями женщину-грешницу?

– Он учил любви и подавал всем нам пример, как надо жить! – сказала его жена. – Что вредного сделал Он?

– Как ты смеешь защищать Того, Кто наших книжников называл лицемерами? Того, Кто выгнал из храма торговцев, Который говорил, что если храм будет разрушен, то Он вновь построит его в три дня? Ты осмеливаешься заступаться за Того, Кто обрекал Иерусалим на гибель?

– Я не защищаю Его!.. Но я не осудила бы Его...

– Твои слова только доказывают еще более, что хорошо сделали иудеи, порешив казнить Его... Клавдия же, жена Пилата, почти стояла за Этого обманщика, и, если бы мы не пригрозили проконсулу, он отпустил бы Его... Вот сейчас Он пройдет здесь, Этот лжепророк, со Своим Крестом, и ты увидишь, сможет ли Он совершить чудо, чтобы спастись!

– Нет, я не увижу Его! – возразила добрая женщина. – Я запрусь дома и затворю двери, чтобы не видеть, как поведут на казнь Того, Кто говорил только о любви. Я, впрочем, уж довольно видела этих несчастных, идущих на Голгофу, потому что, к великому моему горю, дом наш стоит как раз на дороге к ужасному месту, к этой обнаженной горе с крестами вместо деревьев и костями человеческими вместо камней. Пойдем со мной, Исаак, не оставайся тут у дверей. Я чувствую, что это погубит тебя...

– А я, напротив, хочу остаться. Я хочу узнать, с каким видом пойдет на Свой крестный трон Этот Человек, хотевший быть нашим царем! Чего ты боишься? С чего мне трепетать перед Этим обманщиком, Который умрет такою же смертью, как грабители! Да и Он Сам грабитель, потому что присвоил Себе не принадлежащий Ему титул, чтобы овладеть людьми слабыми и боязливыми. Чего бояться Его, пытавшегося смутить нас своими предсказаниями? И те, кто всегда ходил за Ним, даже и те покинули Его! Один из Его учеников предал Его, а остальные благоразумно попрятались... Конец царствованию Сына Божия! У Того, Кто называл Себя так, в эту минуту не больше сил, чем у разбойников, между которыми распнут Его.

– Берегись, Исаак, берегись! Грешно издеваться над мучеником!

– Ну уходи, пожалуйста! Твои глупые слова отравляют мне удовольствие! Ты лучше приготовь сегодня к вечеру хороший ужин, я приведу кое-кого из приятелей, чтобы с ними отпраздновать поминки по Иисусу Назарянину, ложному Мессии, и осушить с ними кубок хорошего вина.

В это время вдали слышался какой-то неясный шум – это вели на Голгофу Иисуса и с Ним других двух осужденных. Исаак Лакадем, чтобы лучше видеть все, встал на каменную скамью, шедшую вдоль одной стены его дома, окаймленной виноградником. Оттуда он увидел большую толпу народа, шумную и волнуемую. Какие-то сверкающие пятна и точки горели над толпой. То сияли на солнце каски, копья и щиты 28 воинов, провожавших осужденных на Голгофу.

Вот на одном перекрестке солдаты и народ остановились. Раздались крики, насмешки, ругательства народа. Это Назарянин упал под тяжестью Своего Креста. Тогда на губах Исаака Лакадема появилась злая улыбка.

Но вот шествие опять пошло, и скоро все были в нескольких шагах от дома Исаака, и он среди воинов и палачей, несших веревки, молотки и гвозди, увидел Человека, спотыкавшегося на каждом шагу под тяжестью громадного Креста, резавшего Ему плечи. Со лба Этого Человека, истерзанного терновым венком, струились потоки крови и пота, и путь Его отмечался на земле кровавыми каплями. Казалось, Человек Этот вот-вот упадет, нетверды были Его шаги, так слабо было Его тело. Он тяжело дышал, но каждый раз, как только Он останавливался, солдаты кололи Его копьями. И Он без ропота, без жалобы поднимался и глядел на смеявшийся кругом народ Своими кроткими глазами, в которых наперекор Его телесной слабости горел огонь чудной жизни, точно вся Божественная Его душа изливалась в этом взгляде, полном сострадания к Своим мучителям.

Этот Человек был Иисус. Чтобы все знали это, ликтор шел впереди, неся на конце копья насмешливое объявление: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский».

Прочитав это объявление, Исаак засмеялся:

– Царь Иудейский, который был царем рабов да грешных женщин! Ха-ха-ха! Почему же Твои подданные не освободят Тебя? Почему архангелы Бога, Твоего Отца, не являются с огненными мечами вырвать Тебя из рук палачей? – кричал Исаак.

Тогда Иисус повернул лицо Свое к поносителю:

– Исаак Лакадем, – сказал Он, – Я жажду! Дай мне глоток воды из твоего источника!

– Мой источник пуст! – отвечал Исаак с новым хохотом.

– Исаак Лакадем! Я падаю. Помоги Мне нести Крест Мой.

– Я не крестоносец Тебе! Позови одного из учеников Твоих.

– Дай Мне отдохнуть на скамье твоей!

– Тогда засохнет виноградник мой.

– Исаак, принеси скамью из дома.

– Нет! Мне пришлось бы сжечь ее, если бы Ты посидел на ней.

– Если Я отдохну на ней, то она будет для тебя золотой скамьей в доме Отца Моего. Исаак, Исаак, пожалей Меня! – Иисус сделал шаг к Исааку.

Но Исаак оттолкнул Его.

– Прочь, обманщик! Уйди из тени дома моего! Не грязни меня Своими прикосновениями, иди Своей дорогой на Голгофу! Иди, иди!

Тогда Иисус выпрямился, глаза Его загорелись ярким светом. Они безмолвно говорили:

«Нет, ты пойдешь и будешь идти всегда, потому что ты не пожалел во Мне человека. Ты будешь влачиться по дорогам до дня Последнего Суда Отца Моего! Иди по свету, несчастный, обремененный отчаянием и ужасом! А ты мог бы познать вечную истину и присоединиться к будущей славе Моей, если бы помог Мне нести Крест Мой. Но ты познаешь только вечный стыд. Мне осталось нести всего несколько шагов Мою ношу, но, когда Я сложу ее, на тебя она

ляжет. И ты пойдешь, подавленный, более измученный, чем Я в эту минуту, когда ты оттолкнул Меня. И никогда ты не избавишься от этой ноши, никогда! Слышишь ты это? Никогда! Как бы ты ни ослабел, как бы ты ни исстрадался, потому что смерть не коснется тебя!

Не пытайся смеяться с этой минуты, нет для тебя радости! Чело твое будет отмечено печатью неизгладимую, как чело Каина. Ты будешь вечный еврей! Когда Я умру, начнется Мое Царство, и только тогда ты поймешь слова Мои. Возьми же свой посох и иди из города в город, из страны в страну, чтобы видеть победу Мою, чтобы видеть крушение храмов ложных богов и возникновение новых храмов, где познают истину, возведенную Мною. Иди, иди! И если ты не отправишься в свой путь теперь, то те же люди, которые издеваются над Мною сегодня, завтра обратятся против тебя и погонят тебя, кидая в тебя камнями. Иди! Иди... Иди искать по всему свету могилу себе, могилу, которой ты никогда не найдешь...».

И, беззвучно молвив это, Иисус двинулся дальше, неся Крест Свой, а за Ним и стража, и весь народ. Шествие давно уже миновало, а Исаак Лакадем стоял, прислонясь к стене своего дома, точно пришибленный. Все члены его дрожали. Его глаза широко раскрылись, точно он видел что-то ужасное. Он видел, как под страшным взглядом Назарянина, обращенным к нему, затрепетали сами палачи, как солдаты прятались за своими щитами. Исаак пробовал овладеть собою и хотел было пойти в дом свой. Но дверь была закрыта и, несмотря на все его усилия, не поддавалась открытию.

– Жена, жена! Открой мне дверь! – кричал он голосом человека, ищущего спасения от страшной опасности.

Но мольба оставалась без ответа. И он понял, что предсказание уже начинается. Он понял, что у него нет больше своего жилья. Ноги его подгибались от ужаса. Он хотел опуститься на скамью, но каменная скамья, на которую он не пустил Сына Божия, исчезла.

В ушах Исаака шумело, и в этом шуме ему слышался ужасный голос: «Иди! Иди!» И он, точно пьяный, не владеющий больше своими членами, пошел неровными, колеблющимися шагами, и ноги его, словно скованные, повели его к Голгофе. Им овладела такая слабость и усталость, что ему казалось, что он несет, как и Назарянин, тяжелый крест, режущий ему плечи. Ему казалось, что лоб его истерзан иглами тернового венца и что глаза его и лицо залиты кровью. И в тех самых местах, где Иисус падал в изнеможении во время Своего восхождения на Голгофу, падал и Исаак, расшибая себе колени. Когда он поднялся наконец на вершину Голгофы, он увидел три креста, и на одном из них был Тот, над Которым он так издевался.

Исаак Лакадем услышал последнее слово умирающего Страдальца: «Совершилось!».

Видя это, Исаак ободрился: Распятый был мертв. Что бояться Того, для освобождения Которого небо не сделало никакого чуда? Который умер так же, как и разбойники, Его сотоварищи по казни? И с криком злобного торжества, с пренебрежением взглянув на труп, висевший на кресте, Исаак хотел вернуться домой. Но едва он сделал несколько шагов назад, как темная ночь объяла его и ужасный вихрь закрутил его одежду и заставил его повернуть обратно.

И вдруг ослепительный свет прорезал темноту, и молния с оглушительным треском упала перед ним. Ошеломленный, Исаак отступил. В это время глаза его упали на крест, на котором испустил дух Иисус... О Чудо! Этот крест сверкал среди тьмы ослепительным неземным светом. Исаак, сам не подозревая, что делает, протянул руки к этому кресту, словно сбившийся с пути темной ночью странник, который внезапно увидел проблеск зари. И сразу осознал он свое преступление. Он понял, что сам был одним из тех, которые послали на смерть Спасителя мира, и был самым злым, самым безжалостным из них. Он понял также, что тяжелый крест, который Иисус навеки возложил на него, – это нескончаемые угрызения совести. В то время как воины бежали, пораженные грозой и сиянием небес, исходившим от креста, в то время как бежали охваченные ужасом мужчины и женщины, стараясь закрыть лица своими одеждами, Исаак Лакадем в раскаянии хотел броситься к подножию креста Иисуса. Но в эту минуту ужасное содрогание потрясло землю, раздался грохот в ее недрах и скалы Голгофы потрескались.

Исаак услышал голос:

– Иди! Иди! – и, охваченный ужасом, бросился прочь от Голгофы!

Таково сказание о вечном жиде!

О нем не говорится ни в Евангелии, ни в Деяниях апостолов, ни в творениях отцов Церкви, но вера в него испокон веков существовала во всем христианском мире. О нем говорится в народных сказаниях, о нем поют народные стихи – о Исааке, или Агасфере, как иначе его называют.

Люди долго верили, что вечный жид действительно существует и ходит по свету, напрасно ища покоя и смерти. В 1602 году была даже напечатана на немецком языке книжка, в которой епископ Шлезвигский Пауль фон Эйцен рассказывает, что он встретил Агасфера в Гамбурге в 1542 году. Он говорил, что, приехав из Вютемберга, где он учился, в Гамбург к своим родителям, он в первое же воскресенье увидел в церкви во время проповеди старика высокого роста с длинными волосами и босыми ногами.

Старик стоял перед проповедником и с большим вниманием слушал его проповедь. И каждый раз, как проповедник произносил слово «Иисус», старик кланялся с великим смирением, колотил себя в грудь и тяжело вздыхал. На нем, несмотря на суровую зиму, не было ничего, кроме отрепанных внизу штанов и длинного одеяния, опоясанного кушаком. На вид ему, казалось, было лет пятьдесят. Многие из бывших тут людей вспоминали, что видели его в Англии, Франции, Италии, Венгрии, Пруссии, Испании, Польше, Швейцарии, Дании и других странах.

Павел Эйцен спросил его, кто он и с каких пор живет, странствуя по земле. Он сказал, что он Исаак Лакадем, и рассказывал много подробностей о страданиях Господа. Держал он себя спокойно, отвечал только на вопросы. Он постоянно торопился и не оставался подолгу на одном месте. В каждой стране, где пребывал он, он говорил на местном языке, и люди приходили, чтобы посмотреть на этого чудного странника...

Притча о вечном жиде, о его вечной ноше и вечной неприкаянности – это рассказ о нескончаемых угрызениях совести всего человечества, о его неизбежной вине перед Распятым Спасителем. Это наш вечный грех и наш вечный стыд вплоть до Последнего Страшного и нелицеприятного Суда Господа Вседержителя, Который на Небесах...

Страстная пятница

Старинное предание Черского

В тот страшный, скорбный час, когда Христос испустил на Кресте Свой последний вздох, одно потрясающее несмолкаемое рыдание пронеслось по всей земле с одного конца мира до другого. Мрачные кровавые облака закрыли солнце, огненные полосы молнии прорезали небосклон, рассыпались скалы, задрожали горы. Подавленные ужасом люди, животные, птицы бежали в пещеры. Ни одна стрекоза, ни один кузнечик не подавали своих беззаботных голосков, ни одна муха не пролетала с жужжанием. Гробовое молчание распростерлось над всей природой.

И только деревья, кустарники и цветы, как говорится в одной старинной легенде, тихо перешептывались между собой.

Дамасская сосна говорила:

– Он мертв, и в знак неутешной скорби, в знак глубокого траура моя одежда с сегодняшнего дня останется навсегда темною и я буду выбирать для своего жилища уединенные места.

Сорептская лоза шептала:

– Он мертв, и в знак печали потемнеет мой виноград, и сок, который виноградарь выжмет из ягод моих, обратится в слезы.

Вавилонская ива, прислушиваясь к дыханию ветра, разносившегося по земле, горько вздыхала:

– Он мертв, и в знак моей горести ветки мои с этих пор вечно будут клониться долу и ронять на заре слезы в светлые воды Евфрата.

Кармилевский кипарис стонал:

– Он мертв, и в знак неутешной скорби моей я буду укрывать под своей сенью только одни могилы, и отныне пусть ни одна голубка, ни малиновка не вьют своих гнезд в моих ветках.

Цветущий тис, весь потемневший, также чуть слышно шептал:

– Он мертв, и в знак моей безысходной тоски я стану отныне расти только на кладбищах, и ни одна пчела, под страхом смерти, не посмеет пить сок из моих отравленных цветов, ни одна птица не будет щебетать в моих ветках, и мой смертоносный дух волеет злоеущий лихорадочный холод в тело неосторожных существ, которые бы вздумали укрываться под моим мрачным шатром.

Сузский ирис сказал:

– Он мертв, и отныне, покрыв темно-фиолетовым крепом мою золотую чашечку, я стану носить вечный траур.

Денная красавица вещала:

– Он мертв, и с сегодняшнего дня каждый вечер я буду плотно свертывать свой благоухающий венчик и распускать его только лишь утром, весь полный слез, пролитых ночью.

Так изливали свою скорбь растения.

Розы разрывали свои душистые, нежные лепестки; глицинии сбросили с головок своих блестящие тиары; боярышник усеял землю своими бело-розовыми цветами; стройный платан скинул с себя кору, и, начиная с кедра ливана до иссопа, ютящегося в долинах, поднялись стенания, жалобы и вопли, достигшие небес.

И лишь гордый тополь оставался недвижим и совершенно бесстрастен.

– Что мне за дело, – говорил он, – до этой общей скорби? Он умер за грешников, а я неповинен ни в чем и потому остаюсь спокойным.

В эту самую минуту над гордой вершиной дерева пролетал ангел, бережно несший на небо золотую чашу, полную Божественной Крови, собранной у подножия искупительного Кре-

ста. Небесный посланник слышал бессердечные слова тополя и, слегка наклонив чашу, брызнул на корень гордеца несколько капель своей ноши, драгоценной Крови, говоря:

– Ты, чья листва посмела не затрепетать посреди всеобщей скорби, охватившей всю природу! С этого страшного, навеки памятного дня в жаркие летние дни, когда нежный, едва заметный ветерок только ласкает деревья, не трогая ни одного листка, – ты будешь вечно дрожать с вершины до корня и называться поэтому «осиной», иначе – дрожащей. Дрожи же вечно, гордец!

В тот же час бук, растущий на вершинах Кавказа, почувствовал вдруг как бы дуновение смертного холода, заставившего затрепетать все его ветви; это ветер донес до него отголосок того страшного последнего вздоха, который неся из измученной груди Богочеловека с Голгофы на небо. Ужас сковал дерево и оледенил живительный сок его: листья его потемнели, ветки, вытянувшись, плотно прижались друг к другу.

Он, в свою очередь, прошептал горестно:

– Спаситель наш мертв, и в знак скорби я буду расти на каменистых и невозделанных холмах, а ветки мои, перенесенные в другие места, будут приниматься только на кладбищах и окаймлять своею тенью грустные жилища последнего, вечного упокоения.

Так повествует о событиях Страстной Пятницы одно из старинных преданий, но рядом с ним существует еще другое сказание, в котором говорится, что, кроме растений, и птицы не оставались безмолвными свидетелями этого страшного дня, и проявляли, каждая по-своему, свое участие к страданиям Спасителя.

Так, прежде всех упоминается о красношейке, которая, прилетев на Голгофу и увидев распятого Спасителя, вспорхнула на вершину Креста и начала старательно выдергивать своим маленьким клювом один за другим шипы из тернового венца, который колол Божественное Тело Христа.

Несколько капель Крови упало на шею и грудь птички и окрасило ее навсегда в красный цвет. С тех пор она и носит название красношейки.

Рассказывают, что и голубка старалась облегчить страдания Распятого тем, что, собирая по капле росу с листьев масличного дерева, она смачивала ею пересохшие уста Божественного Страдальца.

И неустанный лесной плотник, вечно стучащий дятел, также внес свою долю труда в дело любви, одушевляющее его братьев. В минуту, когда какое-то насекомое хотело напиться Божественной Крови, вдруг зазвенел его голос: «Эр, эр!». Этим он хотел сказать:

– Это Он – Сын Божий, это Его Святая Кровь проливается здесь!

А когда крик не помог, он задавил дерзкое насекомое своим длинным клювом, и с тех пор, как говорит предание, питает он непримиримую вражду к насекомым, которых он неустанно преследует, крича: «Эр, эр!».

Говорится и о клесте, что он старался повывергать гвозди из Креста, на котором висел Христос. И так как при этой работе он употреблял страшное усилие, то клюв его свернулся в сторону в виде креста и так и остался навсегда, а тело этой птички сделалось нетленным – оно не гниет при кончине, а совершенно высыхает, как мумия.

Но особенно деятельное участие в любвеобильной работе птичьего царства в этот страшный день страданий и смерти Спасителя принимали королек и крапивник. Эти маленькие птички со своими многочисленными товарищами стремительно налетели на толпу римских солдат, рвавших с терновника ветки для приготовляемого тернового венца Спасителя. Оглашая воздух громкими криками: «Цр, Цр!» – все эти милые пичужки стали клевать руки служителей, стараясь вырвать из них новые ветки. В награду за верность и сострадание, оказанное ими, Господь дал им Свое благословение, которое наполнило восторгом их сердца. Поэтому и пение их всегда такое веселое, торжествующее, полное прелестных ликующих, радостных трелей и переливов.

Но о кукушке говорят совсем другое. Говорят, она летела за Иудой Искаротским и, глядя на кошелёк, в котором звенели тридцать сребреников, ликовала вместе с предателем, восклицая: «Кук-Кук!».

Кроме того, когда Христос совершал Свое последнее земное путешествие, идя на Голгофу, она летела над Его головой и присоединяла свой голос к насмешкам и издевательствам окружавшей Его толпы.

С тех пор птица эта получила название кукушки.

Она, эта легкомысленная кукушка, прячется от людей, залетая в самую глубь леса, боясь света Божьего мира, где все ей напоминает об ее неизгладимой вине.

Вот что говорят старинные предания о дне Страстной Пятницы – этом великом и скорбном дне!

Дочь Пилата

Восточное сказание

Во дни оны правитель Дамаска Клавдиус Рикс был очень опечален. Прекрасная супруга его Поппея, дочь Понтийского Пилата, повелевавшего в Иерусалиме от имени Цезаря, была охвачена ужасной болезнью – расслаблением.

Ее красивые члены окоченели, тело ее потеряло свою прежнюю гибкость и подвижность, и только на носилках, обвитых багряным бархатом, под атласным покрывалом, несомая рабами, она могла за городской стеною поглядеть на роскошные сады, окружавшие город прекрасным венком.

Прошло два года с тех пор, как на Поппею нашел этот недуг, а надежды на исцеление никакой не было. Напрасно муж ее призывал из дальних стран и вестих врачей, и славных чародеев, и ученых осмотреть его жену и помочь ей силою их искусства.

Их знания, усилия и опытность оставались бессильными перед упрямством болезни, приковавшей прекрасную молодую римлянку к месту.

Наконец к больной Поппее явился странник, прибывший из Иерусалима, и сообщил ей, что на земле Иудейской появился кудесник, именуемый Иисусом Назарянином. Он совершал чудеса над больными, расслабленных воздвигал на ноги и возвращал им прежнее здоровье и силу. Слепым давал зрение и даже мертвых воскрешал. И возрадовалась при этой вести Поппея, и воскликнула:

– Я поеду, поеду к Этому Кудеснику! Я Ему щедро заплачу своими драгоценными камнями, я отдам Ему мое дорогое ожерелье, сделанное из зеленых алмазов, стоящее пять городов иудейских, лишь бы Он меня вылечил!

Но странник отвечал:

– Прелестная Поппея! Ничто из всего этого тебе не поможет перед Назарянином. Он Сам ходит в лохмотьях и босиком, живет с нищими, ненавидит все мирские суеты, и, если бы ты Ему принесла столько сокровищ, ты все-таки не получила бы Его благословения!

– Что же мне делать, чтобы я могла получить исцеление из Его рук? – вскрикнула беспокойно больная.

– Он требует от тех, кто прибегает к Его помощи, только верить в Него!

Удивили Поппею эти слова странника, но, подумав несколько и коснувшись чела своей белоснежной рукой, блиставшей блеском драгоценных украшений, она опять спросила:

– Веровать в Него? А как веровать?

– Верить, что Он Сын Божий!

– Сын Божий! Вот это мне не понятно! – и долго она расспрашивала странника.

Много дней и ночей потом провела Поппея в размышлении. И, глядя на свои в расцвете молодости окоченевшие члены, она пролиwała горькие слезы и плакала, как дитя. Но в душе ее все яснее и яснее возрастал образ таинственного Кудесника, называвшегося Сыном Божиим, Который мог сотворять чудеса, переходящие границы человеческого ума и искусства; и вместе с тем ее желание приобрести вновь прежнее здоровье и молодую ловкость увеличивало в сердце нетерпеливое желание видеть Этого чудного Человека. Она была готова даже поверить в Его Божественность. Если Он стоит духом и силою столь далеко от людей, Он должен быть близко к божествам. Только боги столь всемогущи, что одним взглядом, одним словом могут исцелять безнадежных больных.

– Но наши боги не хотели мне помочь. Попробую силу Бога, Чьим Сыном объявляет Себя Этот Назарянин.

И вера росла в ее душе.

Поппея решила ехать в Иерусалим, где, как ей сказали, нетрудно было встретиться с Иисусом. Но, зная, что муж ее не согласится, чтобы гордая и благородная римлянка унизилась перед жалким еврейским Кудесником, она объявила Клавдию, что у нее сильное желание навестить отца.

Эта прихоть, исполнение которой было сопряжено со столь многими для нее трудами и утомлениями, удивила Клавдия. Но горячие мольбы были столь неотступны, что он в конце концов не смог отказать своей любимой и страждущей жене, положил ее в богатую колесницу с пуховыми шелковыми подушками и выслал ее со своими вернейшими рабами в иудейскую землю.

И вот после того, как она пропутешествовала три дня по дороге, шедшей изгибами вдоль восточных подножий ливанских гор, покрытых великолепными кедрами, Поппея прибыла в иудейскую землю и пополудни третьего дня, проехав Иосафатову долину, приблизилась с колесницей к Иерусалиму. Это случилось как раз накануне еврейской Пасхи.

И когда она начала приближаться к северным воротам города, то увидела вышедшее из него множество народа, среди которого блистали шлемы римских всадников. Это шествие двигалось по направлению к западу – к ближнему лысому холму.

Поппея поглядела на шествие и, не зная его значения, продолжала свой путь. У самых ворот она встретила римского центуриона, ехавшего в сопровождении нескольких воинов по стопам толпы. Она повелела остановить его и спросила, куда идет народ.

– Будет распят на Кресте осужденный на смерть развратитель народа Иисус Назарянин! – отвечал центурион, поклонившись светлой дочери Пилата.

– Нельзя, нельзя! – закричала испуганная Поппея.

– Приостановите казнь! Я требую этого!

Но офицер объявил, что только Пилат может остановить, отменить свое решение, но что до получения приказа об отмене казни пройдет время и преступник будет уже распят. Он очень удивился участию Поппеи к жалкому обманщику и смутителю, обреченному на смерть со стороны самого еврейского народа.

И Поппея, смущенная и отчаянная, обратила взгляд на Голгофу, где уже остановилась толпа и где готовилось что-то ужасное.

– Несите меня скорее туда! Он не должен умереть!

– крикнула она своим людям. И они, переложив ее в носилки, так как к вершине Голгофы колеснице нельзя было приблизиться, понесли прекрасную Поппею к каменистому холму.

Когда они взошли на холм, Поппея в ужасе увидела выпрямленные там три креста, и на каждом из них был прикованный человек.

Приговор был исполнен!

По приказанию Поппеи рабы раздвинули толпу, окружавшую с криком и грубым ропотом кресты, и положили носилки близ них.

Под средним Крестом видно было упавшую почти в обмороке иудейскую женщину: две же другие с лицами, облитыми слезами, ломавшие руки, плача громким голосом, глядели на Мученика, из ран Которого по рукам и ногам текли алые кровавые струи.

Поппея, безмолвная и неподвижная, приковала свои печальные взгляды к страдальческому Лику Христа, на благих чертах Которого видны были ужасные муки распятия. И с ланитами, облитыми слезами, она вместе с другими женщинами смотрела на Распятого.

Бедная Поппея силилась по крайней мере только раз встретить Его взгляд, из которого вопреки неопишущим телесным страданиям светилась через покров скорби заря благословения и всепрощения! Но глаза Христа, устремленные только на плачущую Мать, лежавшую на земле, ни разу не обратились к Поппее.

– Спаси меня, Господи! – шептала она и не отводила глаз с лица Христа.

Внезапно тихий взгляд Христа упал на римлянку. Глаза римлянки, блиставшие слезами, и глаза Иисуса встретились, и несколько мгновений Он смотрел на нее с таким благим, скорбным, глубоким выражением! И тотчас от силы этого взгляда, пронзившего как небесной искрой все ее существо, она почувствовала глубокое и общее сотрясение, и что-то новое, сладкое, бодрое наполнило и душу, и тело...

Пилат ожидал на верхней ступени мраморной лестницы палаты свою расслабленную дочь, предуведомленный о ее прибытии, исполненный тревогой и удивлением, ибо цель ее посещения ему была неизвестна. И когда он увидел, что она едет на колеснице с лицом печальным, то простер объятия, ожидая, дабы его рабы принесли ее наверх к нему, чтобы нежно обнять ее. Но Пилат увидел в изумлении, как Поппея легко выскочила из колесницы, отстранив повелительным знаком его слуг, предлагавших ей златотканые носилки, и сама начала быстро подниматься по мраморной лестнице с ловкостью ливанской газели.

Бросаясь на шею изумленного отца, рыдающая, она возопила:

– Отец! Вы сегодня убили Бога!

И все смотрели на это чудо, не веря в изумлении своим собственным глазам!

Кончина праведника

Письмо Прокулы-Клавдии – жены Понтия Пилата – своей подруге Фульвии

Ты просила, мой друг, описать тебе события, совершившиеся со дня нашей разлуки. Молва о некоторых из них долетела до тебя, и таинственность, в которую она облечена, поселяет в тебе беспокойство о моей участи.

Повинуясь твоему нежному призыву, я стараюсь собрать в моей памяти разбросанные обломки моей жизни. Если в этом описании ты встретишь обстоятельства, которые поразят твой разум, то вспомни, что верховные и творящие силы окружили непроницаемыми тенями наше рождение, существование и смерть и что невозможно слабым и смертным измерить тайны судеб их.

Я не буду напоминать тебе о первых днях моей жизни, пролетевших в Нарбоне, под крылом родительским и охранением твоей дружбы. Ты знаешь, что с наступлением моей шестнадцатой весны я была соединена узами брака с римлянином Понтием, потомком древнего и знаменитого дома, занимавшего тогда в Вирбении важное и великое место. Едва мы вышли из храма, как мне должно было ехать с Понтием в провинцию, ему вверенную. Нерадостно, но и без отвращения последовала я за своим супругом, который по своим летам мог быть отцом моим. Я тосковала о вас, тихом отеческом доме; счастливое небо Нарбоны я приветствовала глазами, полными слез.

Первые годы моего замужества прошли спокойно. Небо даровало мне сына; когда исполнилось ему пять лет, Понтий был назначен проконсулом Иудеи.

В Иерусалиме меня окружили почестями, но я жила в полном уединении. Я проводила время с моим сыном посреди тихих садов, вышивая покровы для Алтарей или читая стихи Вергилия, столь усладительные для слуха и сердца.

Одно лишь из значительных семейств Иерусалима оказывало мне некоторую дружбу. Это было семейство начальника Синагоги. Я находила большое удовлетворение в посещении его супруги Соломии – образца добродетели и кротости, в свиданиях с ее двадцатилетней дочерью Сеמידой, любезною и прекрасною. Иногда они говорили мне о Боге отцов своих, читали отрывки из священных книг. С некоторого времени Семида была нездорова.

В одно утро при моем пробуждении мне сказали, что Семида скончалась, без предсмертного томления, в объятиях матери. Сраженная грустью при этой ужасной вести, обняв моего сына, я поспешила к ним, чтобы поплакать вместе с несчастной Соломией. Дойдя до улицы, в которой они жили, люди мои с трудом проложили мне дорогу, ибо певчие и толпы народа теснились вокруг дома.

Остановясь у подъезда, я заметила, что толпы народа расступились перед группой идущих, на которую глядели с удивлением и почтительным любопытством. Первым из этой группы я узнала отца Секиды, но вместо горести, которую я ждала прочесть на его почтенном лице, оно выражало глубокое убеждение, странную для меня и совсем непонятную надежду. Подле шли три человека, бедно одетые, простой, грубой наружности. За ними, завернувшись в мантию, шел Муж еще во цвете лет.

Я подняла на Него глаза и вдруг опустила их, как бы перед ярким сиянием солнца. Мне казалось, что тело Его озарено, что венцеобразные лучи окружают Его локоны, ниспадающие по плечам, как у жителей Назарета.

Невозможно выразить тебе, что я почувствовала при взгляде на Него. Это было могущественнейшее влечение, ибо неизъяснимая сладость разливалась во всех чертах Его, и тайный ужас, потому что глаза Его издавали блеск, который обращал меня как бы в прах. Я последовала за Ним, сама не зная, куда иду.

Дверь отворилась.

Я увидела Семиду: она лежала на одре, окруженная светильниками и ароматами. Она была еще прекраснее, чем при жизни, прекрасна небесным спокойствием. Чело ее было бледнее лилий, рассыпанных у ног ее, и синеватый перст смерти оставил следы на ее впалых ланитах и поблекших уже устах.

Соломия сидела подле нее безмолвная, почти лишенная чувств. Она, казалось, даже не видела нас. Иаир, отец молодой девицы, бросился к ногам Незнакомца, остановившегося у постели, и, указывая Ему красноречивым жестом на усопшую, вскричал:

– Господи! Дочь моя в руках смерти! Но, если Ты пожелаешь, она оживет!

Я затрепетала при этих словах. Сердце мое как бы приковалось к каждому движению Незнакомца. Он взял руку Семиды, устремил на нее Свой могучий взор и произнес:

– Встань, дитя Мое!

Фульвия! Она повиновалась! Семида приподнялась на своем ложе, поддерживаемая невидимой рукой, глаза ее открылись, нежный цвет жизни расцвел на ее устах, она протянула руки и вскричала:

– Маменька!

Этот крик воскресил Соломию. Мать и дочь судорожно прижались друг к другу, а Иаир, простершись на земле и осыпая поцелуями края одежды Того, Кого называл Учителем, вопрошал:

– Что должно делать, чтобы служить Тебе?

И Незнамец отвечал:

– Чтобы получить жизнь вечную, надо изучать и исполнять два правила Закона: любить Бога и человеков!

Сказав это, Он скрылся от нас, как эфирная и светлая тень. Я была на коленях, сама того не зная, и, встав, как бы под влиянием сна, я возвратилась домой, оставив блаженное семейство на вершине наслаждений, для изображения коих не созданы ни кисти, ни перья.

За вечерним столом я рассказала Понтию все, чему была свидетельницей. Он поник головой и сказал:

– Ты видела Иисуса Назаретского! Это предмет ненависти фарисеев, саддукеев, партии Ирода и гордых левитов храма. Каждый день увеличивается эта ненависть, и мщение их висит над головой Его, а между тем речи Назарянина есть речи мудреца и чудеса Истинного Бога.

– За что же они ненавидят Его?

– За то, что Он обличает их пороки. Я слышал Его один день. «Убеленные гробы, порождения ехидны! – говорил Он фарисеям. – Вы взваливаете на рамена братьев ваших ноши, до которых бы не хотели коснуться концом пальца. Вы платите подати за травы, мяту и тмин, но мало заботитесь об уплате данного Закона веры, правосудия и милосердия». Смысл этих слов глубокий и истинный, слишком глубокий и истинный. Они раздражают этих надменных людей, и горизонт очень мрачен для Назарянина.

– Но ты будешь защищать Его? – вскричала я с жаром. – Ты ведь имеешь здесь полную власть!

– Моя власть не что иное, как призрак перед этим мятежным и коварным народом. Между тем я бы душевно страдал, если бы должен был пролить Кровь Этого Мудреца! – с этими словами Понтий встал и вышел, погруженный в великую думу. Я же осталась одна в мрачной и невыразимой грусти.

День Пасхи приближался. На этот праздник, столь важный у фарисеев и всех евреев, стекалось множество народа со всех концов Иудеи для принесения в храме торжественной жертвы. В четверг, предшествующий этому празднику, Понтий сказал мне с горечью:

– Будущность Иисуса Назарянина очень неутешительна! Голова Его оценена, и сегодня же вечером Он будет предан в руки архиереев.

Я задрожала при этих словах и повторила:

– Но ты защитишь Его?

– Могу ли я это сделать! – сказал Понтий с мрачным видом. – Он будет преследуем, изменнически предан и осужден на смерть жестокую!

Настала ночь, но едва я склонила голову на подушку, как таинственные грезы овладели моим воображением. Я видела Иисуса, я видела Его Таким, каким Соломия описывала своего Бога.

Лик Его блестел, как солнце.

Он парил на крыльях Херувимов – пламенных исполнителей Его повелений. Остановясь в облаках, Он казался готовым судить поколения народов, собранные у Его подножия. Мановением Своей десницы Он отделял добрых от злых. Первые возносили к Нему сияющие вечной юностью и Божественной красотой веры взоры, а вторые низвергались в бездну огня, с коим ничто не сравнимо, а когда Судия указывал им на раны, покрывавшие Его тело, говорил им громовым голосом:

– Воздайте Кровь, Которую Я пролил за вас!

Тогда эти несчастные просили у гор покрыть их и землю поглотить их – но тщетно. Они чувствовали себя бессмертными для мук, бессмертными для отчаяния!

О, какой сон, или, вернее сказать, Откровение!

Лишь только заря зарумянила вершины храмов, я встала с сердцем, еще сжатым от ужаса. Я села у окна, чтобы подышать свежим воздухом. Мало-помалу мне послышалось, что смертоносный рев выходит из центра города. Крики проклятия, более ужасные, нежели гул взволнованного океана, доходили до меня. Я прислушивалась, сердце страшно билось, чело обливалось ледяным потом. Вдруг я заметила, что этот гул приближается более и более, что под гнетом бесчисленной толпы стонет мраморная лестница, ведущая в претор.

Терзаемая неизвестностью, я взяла на руки сына, который играл подле меня, укутала его в складках своего покрывала и побежала к моему мужу. Дойдя до внутренней двери судилища и слыша за ней голоса, я не смела войти, но приподняла пурпурную занавесь.

Какое зрелище, Фульвия!

Понтий сидел на своем троне из слоновой кости во всем великолепии, коим Рим окружает своих представителей, но под бесстрастным выражением, которым он старался облечь свое лицо, я угадала страшное волнение: перед ним со связанными руками, в изодранной насилом одежде, с окровавленным лицом стоял Иисус Назарянин, спокойный и неподвижный. В Его чертах не было ни гордости, ни страха – Он был тих, как невинность, покорен, как Агнец. Но Его кротость наполняла меня ужасом, потому что мне слышались слова моего Откровения:

– Воздайте Кровь, Которую Я пролил за вас!

Вокруг Него бесновалась презренная толпа, привлекавшая Его на судилище. К ней присоединились несколько полицейских служителей, часть духовенства и фарисеев с дерзкими взглядами. Их легко было узнать по пергаментным табличкам, которые они носили на лбу. Все эти страшные лица дышали ненавистью; казалось, что адское пламя отсвечивается в этих глазах и что демоны смешивают свои голоса с дикими криками неистового бешенства.

Наконец по знаку Понтия водворилось молчание.

– Чего вы от меня хотите? – сказал Понтий.

– От лица народа мы требуем смерти Этого Человека, Иисуса Назаретского! – отвечал один из священников.

– В чем же состоит Его преступление?

При этом снова раздались крики:

– Он предсказывал разрушение храма, Он называет Себя Царем Иудейским, Христом – Сыном Божиим! Он оскорбляет святителей, сынов Аарона!

– Да будет распят! – говорил народ, рассвирепевший, яростный.

Эти вопли до сих пор раздаются в ушах моих, и Образ Непорочной Жертвы с той минуты непрерывно представляется глазам моим. Понтий возвысил голос и, обратясь к Иисусу, ласково сказал Ему:

– Итак, Ты Царь Иудейский!

– Ты говоришь! – отвечал Он.

– Ты ли Христос, Сын Божий?

Иисус не отвечал ни слова. Вопли возобновились пронзительнее прежнего, как рыкание голодных тигров.

– Отдай Его нам! Распни Его!

Я не могла больше слышать этого и послала невольника к своему мужу, прося у него минуты свидания. Понтий немедленно оставил судилище и пришел ко мне. Я бросилась перед ним на колени, говоря:

– Ради всего, что тебе дорого, ради этого дитяти, священного залога нашего соединения, не будь участником в смерти Этого Праведника, подобного Богам бессмертным! Я видела Его в эту ночь в чудном сне, облеченного Божественным величием. Он судил людей, трепетавших перед Ним, и между тенями несчастных, низвергнутых в бездну пламени, я вижу лица тех, которые теперь требуют Его смерти! Берегись поднять на Него святотатственные руки. О, верь мне! Одна капля Этой Крови запечатлеет на век твоё осуждение!

– Все, что происходит, ужасает меня самого! – отвечал Понтий. – Но что я могу сделать? Гибель угрожает нам! Этот суд подобен храму Евмениды, где от него не ждут правосудия, но мщения. Но успокойся, Клавдия! Иди в сад. Занимайся сыном твоим, твои глаза не созданы для этих кровавых сцен!

С этими словами он вышел. Оставшись одна, я предалась отчаянной горести. Иисус был еще перед судом – предмет насмешек, оскорблений черни и воинов. Порывы их ярости равнялись Его неодолимому терпению.

Понтий в раздумьи возвратился на свое седалище правосудия. При его появлении крики «Смерть! Смерть!» раздались оглушительнее прежнего. По освященному временем обычаю, правитель на праздник Пасхи освобождал всегда одного из осужденных. Видя, может быть, в этом обстоятельстве возможность спасти Иисуса, Понтий сказал громким голосом:

– Которого отпустить вам на праздник Пасхи: Варавву или Иисуса, называемого Христом?

– Отпусти Варавву!

Варавва был грабитель и убийца, известный по всей окрестности своей жестокостью.

Понтий снова спросил:

– Что же мне делать с Иисусом Назаретским?

– Да будет распят!

– Но какое же зло Он сделал?

Увлеченная яростью, толпа повторяла:

– Да будет распят!

Понтий опустил голову в отчаянии. Бесперывная дерзость черни, казалось, угрожала его власти, которою он так дорожил.

Волнение увеличивалось ежеминутно. Нигде не было спокойствия, оно обитало только на величественном челе Жертвы. Оскорбления, пытки, приближение позорной мучительной смерти – ничто не могло отуманить этого небесного взгляда. Эти очи, возвратившие жизнь дочери Иаира, обращались на Своих палачей с неоцененным выражением мира и любви!

Он страдал, без сомнения, но страдал с радостью, и душа Его, казалось, улетала к невидимым Престолам, как чистое пламя святого всеожжения.

Претория была наводнена народом. Все новые и новые голоса присоединялись к этому адскому хору. Мой муж, утомленный, испуганный, наконец уступил. О! Вечно пагубный час!

Понтий встал, сомнение и мертвенный ужас изобразились на его лице. Символическим жестом он омочил руку в урне, полной воды, и воскликнул:

– Я невиновен в Крови Этого Праведника!

– Да будет она на нас и на детях наших! – завопил безумный народ, и, столпясь вокруг Иисуса, палачи повлекли Его в бешенстве.

Я следовала глазами за Жертвой, уже ведомой на заклание. Вдруг туман омрачил мое зрение, колена подогнулись и судороги пошли по моему сердцу. Мне казалось, что жизнь коснулась грани. Я опомнилась на руках моих женщин, подле окна, выходящего на двор судилища. Я оглянулась вокруг и увидела следы свежей пролитой Крови.

– Здесь бичевали Назарянина! – сказала одна невольница.

– А там венчали Его тернием, – сказала другая. – Солдаты насмехались над Ним, называя Его Царем Иудейским, и били Его по ланитам.

– Теперь Он испускает дух на Кресте, – сказала третья.

Каждое из этих слов подобно кинжалу пронизывало мое сердце. Подробности ужасного злодеяния удваивали мою горечь. По терзанию моей груди я чувствовала, что было нечто сверхъестественное в событиях этого дня.

Небо, казалось, гармонировало с трауром моей души. Огромные облака страшными формами висели над землею, и из их сернистых вод вылетали бледные молнии. Город, столь шумный в продолжение дня, был угрюм и безмолвен, как будто смерть распространила над ним свои угрюмые крылья.

Невыразимый ужас как будто приковал меня к месту. К девятому часу дня мрак сгустил воздух. Ужасное потрясение всколыхнуло землю – все трепетало. Можно было подумать, что весь мир разрушится и стихии превратятся в прежний хаос.

Я припала к земле. В это время одна из моих женщин, иудейка по рождению, вошла в комнату бледная, отчаянная, с блуждающими глазами. Она вскричала:

– Настал последний день! Бог возвещает это чудесами. Завеса храма, скрывавшего святое святых, распалась надвое. Говорят, что гробы открылись, и много видели восставших праведников, погибших в Иерусалиме от Захария убиенного. Мертвые возвещают нам гнев Божий. Кара Всевышнего разливается с быстротою пламени.

При этих словах мне показалось, что я теряю сознание. Я встала, едва передвигая ноги, и вышла на лестницу; там я встретила сотника, участвовавшего в казни Иисуса. Он был расстроен и изнемогал от мук раскаяния. Я хотела расспросить его, но он прошел мимо меня, повторяя в забытьи:

– Тот, Кого мы убили, был истинный Сын Божий!

Я вошла в большую залу. Там сидел Понтий, закрыв лицо руками. Он поднял голову при моем появлении и сказал в отчаянии:

– Ах! Почему я не послушал твоих слов, Клавдия! Почему я не защищал Этого Мудреца ценою жизни моей! Мое гнусное сердце не вкусит более покоя!

Я не смела отвечать. У меня не было утешений для этого невознаградимого несчастья, навеки заклеившего нас печатью гибели! Молчание прерывалось только раскатами грома, страшно отдававшегося под сводами дворца. Несмотря на эту бурю, какой-то старик явился у входа в наше жилище. Его ввели к нам. Он бросился со слезами к ногам моего мужа:

– Имя мое Иосиф Аримафейский. Я пришел умолять тебя позволить мне снять Тело Иисуса со Креста и погребсти Его в саду, мне принадлежащем.

– Возьми! – отвечал Понтий, не поднимая глаз.

Старец вышел. Я видела, что к нему присоединилась группа женщин в длинных покрывалах, ожидавших его под портиком. Так кончился этот роковой день. Иисус был погребен в могиле, вырытой в скале. У входа в пещеру была поставлена стража. Но в третий день Он, сияющий славою и победою, явился над этим гробом. Он воскрес, исполнил Свое предсечение

и, торжествуя над смертью, предстал ученикам, Своим друзьям и, наконец, многочисленному собранию.

С того времени ни в чем нет успеха моему мужу. Жизнь его есть отравя и мучение. Мое уединение увеличилось. Соломия и Семида смотрели со страхом на жену преследователя и палача возлюбленного их Господа, ибо они сделались учениками Того, Кто возвратил их друг другу. Я видела, несмотря на их кротость и доброту, невольный трепет на их лицах при моем приближении и скоро перестала посещать их. Я углубилась в мое одиночество.

Через некоторое время Понтий был лишен своей власти. Мы возвратились в Европу, и, блуждая из города в город, он влачил за собою по всей империи ношу скорби своей возмущенной и истомленной отчаянием души.

Я последовала за ним. Жена Каина, как говорят евреи, последовала за своим изгнанником-мужем. Но какова моя жизнь с ним? Дружба, доверенность супружеская не существует. Он видит во мне свидетеля – живое воспоминание своего преступления. Я видела воздвигающийся между нами образ окровавленного Креста, на котором он, судья беззаконный, пригвоздил Невинного и Праведного. Я не смею поднять на него глаз; звук его голоса, этого голоса, произнесшего приговор, леденит мое сердце. После стола он совершает омовение. Но ведь воды всего мира не смоют с его рук Кровь Страдальца. Мне кажется, что он погружает руки свои не в чистую воду, но в дымящуюся кровь, следы которой не могут изгладиться.

Однажды я хотела говорить ему о раскаянии и милосердии Всемогушего, но я никогда не забуду ни его зверского взгляда, ни отчаянных слов, вырвавшихся из его уст.

Скоро сын мой умер в моих объятиях, и я не оплакиваю его. Счастливцев, что умер блаженный, он избавился от проклятия, преследовавшего нас, он свергнул с себя страшную ношу имени отца своего!

Несчастья везде бегут за нами, ибо повсюду уже есть христиане: здесь, даже в этой дикой стране, где мы просили убежища у туманов морских, безотрадных скал, и здесь я слышу, с каким отвращением произносится имя моего мужа. Я узнала, что апостолы, прощаясь друг с другом перед отправлением на проповедь Евангелия, начертали в изъяснение своей веры эти мстительные для нас слова: «Он страдал при Понтии Пилате». Ведь это страшная анафема, которую будут повторять века – «Распят при Понтии Пилате».

Прощай, Фульвия, пожалей обо мне, да возможен правосудный Бог даровать тебе счастье, которого некогда мы желали друг другу. Прости.

Прокула-Клавдия

Примечание: Пилат долго бродил по свету, пока не нашел себе успокоение в водах реки Тибр. Но и река не приняла тело предателя, и он волнами был выброшен на берег, но нашлись люди, которые его похоронили в глубине каких-то скал.

Письма Адины

Из книги доктора прав и богословия архиепископа Д.Ж.Г. Ингрема

«Царь из дома Давидова»

Адина находилась в Иерусалиме у дяди своего Амоса (который в то время был иудейским священником) в тот самый момент, когда явился проповедовать Христа Иоанн Креститель.

И так как это событие – необыкновенное, то Адина осталась в Иерусалиме со дня пришествия Крестителя и до явления Христа Спасителя и своими глазами видела Его неисчислимые чудеса, страдания, смерть, и Воскресение, и Вознесение Господа на небо. И за это время Адина написала родному отцу 39 писем и описала в них то, что своими глазами видела и слышала.

Письмо 38–е:

Пророчество о Мессии

«...Дорогой батюшка! Ты проверь по моим письмам Священное Писание и поверь, что это Он – Истинный Мессия.

Если нет, то Кто же Он?! Кто Он, Чье Рождество приветствовали ангелы и над Чьей колыбелью спустилась дивная звезда? У Чьих младенческих ног склонились три мудреца, три великие мужа... Представители всех великих семей человечества преклонились и почтили Его как Бога!

Кто Он, при рождении Которого Ирод I-й так устрасился, что приказал убить всех младенцев в Вифлееме, числом 14000, ища погубить Его?!

Кто Он, на Кого указывал Иоанн Креститель, называя Его Агнцем Божиим, Кровь Которого прольется за грехи мира?

Кем может быть Тот, при Чьем крещении разверзлись Небеса, и Дух Божий в виде сходящего голубя сошел над главою крещаемого, и голос Божий громом с безоблачного неба возгремел, возвестив миру: "Сей есть Сын Мой возлюбленный!".

Кто же это, дорогой батюшка, повелевающий бурями, словом Своим умиряющий разъяренные волны?!

Кто же Он, исцеляющий словом или взглядом больных и прокаженных и возвращающий жизнь иссохшим и парализованным членам человека?

Кто же Он, воскресивший дочь Иаира?

Кто же Он, излечивший слугу Центуриона?

Кто же Он, Который воскресил сына вдовы Наинской?!

Кто же Он, изгнавший легион бесов из левита Виюара?

Кто же Он, исцеливший глухонемого племянника сирийского правителя и даровавший ученикам Своим ту же чудодейственную силу, при помощи которой Он наплатил однажды 5000 человек пятью хлебами и двумя рыбами?

Кто же Он, Который во время Преображения Своего, чтобы удостоверить учеников Своих в Своем Божестве, вызвал Илию, который был взят несколько сот лет назад? Он беседовал с ними, будучи озарен Божественным Светом Отца Небесного.

Кто же Он, Который воскресил четырехдневного Лазаря из могилы, который уже начал разлагаться, так что люди бежали от его склепа? Кто Он, на моление Которого отвечал голос Неба, и множество народа слышали слова:

«Я прославил Имя Твое, и вновь прослаблю Его!»?

Кто был Узник Этот, дорогой батюшка, против Которого на суде не нашлось обвинения и Который без всякой вины был предан в руки врагов Пилатом?

Кто был Он, при распятии Которого небо задернулось черным покрывалом, померкло солнце, нарушились законы движения светил небесных и стрелы молнии низвергались на землю, а земля содрогалась и выкидывала мертвецов из недр своих?

Кто был Воскресший на третий день по погребении, расторгнув каменные затворы гробниц, и перед Кем преклонился сошедший с Неба Архангел?

Кому служили, прославляя Его, небесные силы Херувимов и Серафимов, Который явился потом Марии, Матери Своей, женщинам Галилейским, сестрам Марфе и Марии, и Лазарю, и даже мне?

Скажи, отец мой, кто Этот дивный Человек?

Кто Он, как не Христос?!

Дорогой мой отец, скорее перечитывай все пророчества и сличай с письмами моими, и сам ты увидишь, что Он Истинный Мессия Христос! Пророк Исаия говорит о Христе, что Он будет и Человеком скорбей, что Он будет презираем и отвергнут людьми, предан, как овца на заклание, что будет узником, будет судим и извергнут из мира живых; что в смерти Своей будет причислен к порочным, а в гробе к богачам.

Как удивительно ясны, точны и полны все эти пророчества, я и все мы теперь только увидели!

Как буквально и дивно все исполнилось!

О Воскресении Своем Он Сам предсказывал, да мы тогда еще не понимали слов Его! Когда Он говорил о разрушении храма и воссоздании его через три дня, Он говорил о собственном Теле Своем.

О Воскресении Его предсказывал пророк Давид: “Ты не оставишь души моей во аде, не дашь святому Твоему увидеть тления, посему плоть моя упокоится в уповании!”.

Даже весь суд над Ним у Пилата, Каиафы и Ирода представлен в пророчестве Давида: “Восстанут цари земли, и вельможи соберутся вместе против Господа и против помазанника Его!”.

А Господь сказал: “Ты Сын Мой – в сей день Я породил Тебя!”.

Раскрой священные свертки Писаний, дорогой батюшка, и сравни следующие слова Мессии с теми, что я описывала о распятии Христа в предыдущем письме: “Боже мой, Боже мой, зачем ты оставил меня?”. Эти пророческие слова были вложены в уста Мессии. Ты найдешь эти самые слова в моем письме, где я описывала крестную смерть Иисуса Христа. Он произнес на Кресте эти слова.

Далее Давид говорит: “Все видящие Меня расширяют уста, кивают головами и говорят: «Он полагается на Господа – пусть спасет его!»”.

“Ты ввергнул меня во прах и дал умереть”, – это говорит Давид не от себя, а от лица Мессии.

Все это перенес Мессия, долженствующий быть царем, но долженствующий и подвергнуться страданиям, быть как бы забытым Богом и предоставленным смерти. И мы все отступились от Него, как только Он умер. Мы думали, как и ты, дорогой отец, что Он должен быть у нас царем и владычествовать над всеми людьми на земле, а мы – министрами Его. Но, дорогой батюшка, прочти тот же псалом царя Давида и посмотри, какие слова влагает он в уста будущего Мессии: “Сборище злых окружило Меня, пронзили руки и ноги Мои, и делят ризы Мои, и об одежде Моей метают жребий!”.

Прочти и сличи эти пророчества, относящиеся к Мессии, с подробностями из моих писем, и ты не только убедишься, дорогой батюшка, что Иисус есть именно Мессия, о Котором писали пророки, и ты поймешь, что Его смирение и покорность перед Пилатом и Каиафой, Его крестные страдания, Его смерть, Воскресение и Вознесение Его на Небо – все это доказывает, что Он истинный Мессия, Сын Всевышнего, предсказанный пророками, Помазанник Божий, Царь Израиля”.

Твоя любящая дочь Адина».

Письмо 39-е:

Вознесение Господне

«Дорогой батюшка! От радостного волнения едва удерживаю перо в руке, пальцы дрожат, пишу так плохо, что тебе трудно будет разобрать все слова, но мне хочется поскорее сообщить тебе о дивном событии, ознаменовавшем этот день навеки как славнейший для человечества.

Я уже писала тебе, что Иисус после чуда Воскресения Своего, неопровержимо засвидетельствованного перед множеством людей, жителей и гостей Иерусалима, вновь собрал вокруг Себя изумленных и обожающих Его учеников и с неземною мудростью и силой поучал их, внушая им истины о Своем Царстве и заповедуя возвестить о нем всему миру.

На 40-й день рано утром Он оставил дом Марии и воскрешенного Им Лазаря, где провел всю последнюю ночь в беседе с нами (ибо, счастливые возможностью слышать Его Божественный голос, мы и не вспоминали о сне). Он говорил нам о славе небесной, о чистоте сердца и о жизни вечной, доступной всякому, кто войдет в Царствие Его.

– Господи! – сказала Марфа (вторая сестра воскресшего Лазаря), когда Он уходил. – Куда Ты идешь?

– Иди и увидишь! – ответил Он. – Вы должны знать, куда Я иду, и путь Мой должны знать! Ибо, где Я, там должны быть и Вы, и всякий верующий в Меня!

– Господи! – сказала Мария, преклонив перед Ним колени. – Вернись к полдню и останься с нами до конца дня.

– Мария! – ответил Иисус. – Я иду в Дом Отца Моего. Придет день, когда ты поселишься там в обители нерукотворной. Следуй за Мной и узнаешь путь к ней. Я первый прошел по нему через испытания, страдания, смерть и Воскресение к жизни. Итак, следуйте за Мной и ты, и все, кто любит Меня. Для друзей Моих врата могилы ведут в жизнь вечную!

Говоря так, Он медленно поднимался на холм за городом, недалеко от того места, где был погребен Лазарь. За Ним следовали из города Мария, Марфа, Лазарь, Иоанн, моя сестра – дочь дяди Амоса и я; каждый из нас ожидал чего-то; по словам Его, по чему-то неуловимому в Его движениях нам всем казалось, что что-то новое и великое должно совершиться.

Близ гробницы Лазаря, у подножия холма к нам присоединились и прочие ученики Его, да и посторонних очень большое количество людей. Все шли за Ним в надежде услышать еще что-нибудь важное о вечной жизни!

– Он поднимается на холм для молитвы, – сказал один из учеников.

– Нет! – сказал Петр. – С Воскресения Своего Он уже больше не молится, как прежде. Ему уже не о чем больше молиться для Себя. Он победил уже и грех, и диавола, и смерть, и гроб, и весь мир.

– Судя по выражению величия и силы на Лице Его, – сказал Фома, – Он совершит Величайшее Чудо!

И мы все видели, что, поднимаясь на холм, Он с каждым моментом становился все величественнее, все Божественнее, и Лицо Его светилось, как у Моисея, когда он спускался с Синайской горы.

В благоговейном страхе мы отступили от Него.

Он шел один, поднимаясь на холм, и пустое пространство отделяло Его от нас. Но не ужас таинственного, подавляющего величия овладевал нами при виде лучезарного сияния, исходившего от Него в эту торжественную минуту, а тихий свет истины и святости наполнял сердца наши.

– Вот таким Он был, – сказал Иоанн, когда мы увидели Его преобразившимся на горе Фавор в беседе с Илией и Моисеем.

Но вот Господь взшел на вершину невысокого холма и остановился на ней один, на виду у всех.

Мы отступили от Него еще дальше, не дерзая приблизиться, ибо сияние Его было подобно солнцу, а Сам Он весь был как молния. Мы заслоняли руками своими глаза, чтобы взглянуть на Него – все в безмолвном ожидании и созерцании того дивного, что совершается.

Ближе всех подошел к Нему Иоанн и, стоя на коленях со сложенными руками, не сводил с Него восторженного взора, ибо он знал, как он после сказал нам, что должно было произойти. Иисус объяснил ему это в предыдущую ночь. Экстазом любви и восторженного умиления озарено было лицо Иоанна, и слезы катились из его ослепленных очей, а он все глядел на Своего Учителя и Господа, сиявшего, как полуденное солнце.

Батюшка дорогой, то, что мы видели, нельзя выразить, это вне всякого описания и изображения!

Холм окружен был массой людей, все в каком-то немом оцепенении ждали. Но то, что совершилось перед нами, было так необычайно, так страшно торжественно и таинственно, что люди, пораженные тайной и ослепленные светом, казалось, одинаково готовы были и бежать, чтобы укрыться от лицезрения Сына Бога Своего в Его неземном величии, и застыть тут в безмолвном ожидании.

Так и пребывали мы все под покровом тихого, ясного синего неба, на котором одно только облачко клубилось над самым холмом. Внизу, по направлению к священному городу, виднелся Гефсиманский сад, где любил Иисус Христос ходить с учениками и где Он был предан. За ним – Иерусалим со своими башнями и дворцами: среди них горделиво возвышался и блестел вдали Иерусалимский храм, в прозрачном воздухе виднелся и Кальварий (позорное место) со свежими римскими крестами.

Зеленела кипарисовая долина близ гробницы Иосифа, где положено было Тело Господа.

Иисус окинул взором победителя эти места Своих испытаний, страданий и смерти и, обратясь к ученикам, сказал:

– Вы были со Мною в дни Моей скорби, ныне увидите славу и возмездие, дарованные Мне Отцом Моим! Я уйду от Вас и вознесусь к Отцу – Моему и вашему Отцу. Запомните все о Царстве Моем, чему Я учил Вас. Идите и возвестите радостную весть спасения всем людям. Крестите их всех во Имя Отца и Сына и Святого Духа. И Я пребуду с вами везде, всегда до конца мира.

Голос Его невыразимой радостью проникал во все сердца. Воздев руки, Он благословил всех нас, павших перед Ним.

Затем, устремив взор Свой в глубокое синее небо, Он сказал те же слова, что произнес и в пасхальную ночь, о которой Иоанн говорил мне:

– Ныне, Отче, прославь Меня Силою Твоею. Той Силою, с которой Я был с Тобою до начала мира.

Мы подняли головы и увидели, что Он отделился от земли и возносится в воздухе над вершиною холма.

Руки Его были распростерты над нами, как бы благословляя нас всех. Раздался неудержимый возглас страха и изумления всех окружающих при виде Его, уносящегося в небо. Затем последовало глубокое благоговейное молчание, а Он уносился от нас все дальше, все выше, и очертание Его увеличивалось и расширялось по мере отдаления от земли. Стоя на коленях, онемев от удивления, мы следили за Его движением вверх. Никто ни единым словом не нарушил торжественной тишины. Можно было слышать стук наших сердец.

И вот в небесной высоте появилось маленькое облако, величиною с руку человека, как нам казалось, и оно стало расти и расширяться, и вдруг быстро, как крылатая молния, опустилось и рассыпалось в бесчисленный сонм блестящих ангелов. Их было много, как звезд небесных.

Они разделились на две стороны и, паря в воздухе, как бы возносили к небу Сына Божия. Шум от их бесчисленных крыльев был подобен шуму воды.

Сверкающим облаком они окружили Иисуса и, скрыв Его от нас, исчезли с Ним вместе в лучезарном сиянии неба. Но до слуха нашего доносилось их пение. Божественная, неземная мелодия!

Окружая своими переплетающимися крыльями Сына Божия и исчезая в пространстве, они пели свой небесный гимн Победителю смерти и ада:

– Поднимите врата, князи ваша, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!

Эти слова слышались в звуках, которыми как бы все необъятные небеса отвечали Архангелу, бдительному стражу врат небесных:

– Кто Сей Царь славы?

– Господь крепкий и сильный. Господь, сильный в брани!

Победно и радостно звучали голоса ангелов, возносящихся с Иисусом в лучезарные высоты:

– Восплещите руками все народы и воскликните Богу гласом радования!

И взошел Бог при восклицаниях:

– Поднимите врата, князи ваша, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!

Затем раздался могучий голос как бы из глубины неба, сопровождаемый трубным звуком тысяч голосов, как бы окружавших Престол Самого Сущего:

– Возвещайте в народах славу Его, во всех племенах чудеса Его!

– Воздайте Господу Славу Имени Его, несите дары, идите во дворы Его!

– Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте!

– Ибо Господь Всевышний страшен – Великий Царь над всей землей!

– Покорил нам народы и племена под ноги наша!

Звуки неслись, удаляясь мерно и плавно, все выше, все дальше от земли, пока наконец светящийся сонм ангелов не исчез в небесной глубине.

Несколько времени после того мы все еще стояли, устремив взоры в небесное пространство, все еще надеясь, выжидая, желая вновь увидеть нашего Господа.

Но вот мы увидели две звезды в небе. Они опускались к нам и приняли образ ангелов; остановясь на том месте, откуда вознесся Иисус Христос, они сказали ученикам:

– Что смотрите вы в небо, мужи Галилейские! Иисус, Которого вы видели вознесшимся к небу, должен еще прийти к вам на землю, так же, как Он ушел от нас.

И, сказав это, они исчезли.

О Вознесении на небо Христа Господа нашего Иисуса я написала вечером того же дня, как это совершилось, ибо это все неотступно владело всеми моими мыслями. Но нет слов, чтобы описать это. Одно только ясно, что я могла передать тебе, батюшка, – это тот самый факт, что Иисус вознесся выше всех небес.

Это непреложная истина.

Но что такое наша земля? Что такое Иудея? Что такое род человеческий, что Бог удостоил посетить его? И обещал вновь посетить. А, когда Он был с нами, когда Божественный Сын Божий сошел на землю и принял образ и плоть человеческую, чтобы примирить с нами Бога Отца и открыть нам путь в жизнь вечную, как Он был принят нами? Его сторонились, потому что Он был беден.

Его ненавидели, потому что Он был свят.

Его предали суду за преступления, Ему неизвестные.

Он был оскорблен, избит, оплеван, осмеян, был распят вместе с разбойниками.

Но смотри, дорогой батюшка, чем это окончилось?

Когда Он исполнил то, что Ему было поручено и предназначено, принял смерть за нас – как все вдруг переменилось!

Он восстал к жизни, Он расторг затворы гробницы и вышел из нее. И ангелы преклонились перед Ним!

Он всенародно вознесся на небо и встречен был сонмом ангелов, и поддержан десницей Всевышнего! Таково было заключение дивной земной жизни Иисуса Христа!

Итак, все, что Он говорил о Себе, есть истина.

Суший Сам подтвердил это.

Поэтому мы должны или уверовать, или отказаться от Царства, которое Он учредил для нас, но в которое мы можем войти только тем же путем, каким Он вернулся в него, – путем смирения, страдания, смерти, могилы и воскресения.

– Путь Мой должны вы познать! – сказал Он.

Поэтому, батюшка, очевидно, что Царство Его не от мира сего, как Он сказал прокуратору Пилату.

Царство Его – Небесное!

Я не могу написать тебе всего, что хотела сказать. Когда через неделю мы свидимся с тобой в Иерусалиме, тогда я передам тебе все, чему Божественный и Богом прославленный Иисус научил меня. Не сомневайся в том, что Он Мессия. Признай Его, не колеблясь, ибо в Нем осуществились и Моисей, и пророки, и закон.

Он истинный Мессия, долженствовавший прийти и восстановить все утраченное человечеством, и в Нем слава, и могущество, и Господство, и величие, и совершенство вовеки.

Твоя любящая дочь Адина.»

Воскресение и жизнь

Христос Воскресе!

Радость смертным, опутанным губительными, тайно подкрадывающимися наследственными грехами! Христос Воскрес!

Блаженны любящие, устоявшие твердо против великих, тяжелых испытаний на спасительном пути к неразрушимому Вечному спасению!

Христос Воскрес! – покинув область тления.

Спешите радостно разорвать ваши цепи грехов! Близок Он ко всем, Его восхваляющим, ко всем, доказывающим любовь делами. Ко всем, братски делящим свой хлеб с ближними; ко всем, странствующим для проповеди и возвещающим дни неизреченного, незаходимого блаженства.

Для всех вас Он уже здесь!

Ликующий призыв! Как ярко запечатлена в нем тайна

Светлого Воскресения Христова!

Как светоносно дыхание пасхальной радости в нем!

Вся тайна Воскресения – в присущей силе человеколюбия Христова, в вечных чудесах явления миру Того, Кто, милосердия ради, Себя истощил непреложно!

Погребенный и обретший снова жизнь, возвратившийся к Своему блаженству, Христос не скрылся от нас в неизвестность, не оставил нас на груди земли для одинокого страдания, Он всегда с нами, как со Своими.

И мы больше не оплакиваем Его, не можем оплакивать. Нет больше мрачной Голгофы.

Христос второй раз уже не умирает, смерть над Ним не обладает! Мы ожидаем Его, уже грядущего ко всем нам, и сами приближаемся к Нему – в светлых лучах светозарной победы над «властью тьмы», в дивных просветах веры в творящего Бога, в святые заветы небес!

Нет большего безверия, чем сказать: «Христа теперь нет на земле!». Там, где это говорят, там слезы людские не видны с высоты небесной: они сочтены, но не стерты.

Там мир – безжизненный чертог, «случайная дорога». Там все глухо: могила повсюду, пусто и страшно; и крик души остается без ответа.

Не верится в такую пессимистическую религию, в такую «антихристианскую этику».

Нет, Христос Воскресший и теперь на земле, как и всегда. Он Тот же сегодня, что и вчера.

Он не позабыл земли, людей, жизни нашей. Он и не мог забыть их, предвечно возлюбив мир до «смерти крестной», до радости «крестовоскресной».

Нет мира без Бога – и Бога нет без жизни.

Нет Бога, не желающего жизни – нет и жизни, не ведающей Бога. И Христос-Жизнодавец идет всюду, озаренный внутренними лучами Своего Божественного Лица, идет, как путник Эммаусский, являющийся и познаваемый «в преломлении хлеба», как светоносный друг матерей и грешников, как Бог кающихся и Спаситель согрешающих. Он идет, благословляя весь мир, всю землю, идет туда, где Его жаждут, ищут в великой тоске и скорби, в мир «нравственных» болезней и мрака греховного. Где умножился грех, там преизбыточествует Его благодать.

И там, где Он идет, где слышен тихий шелест Его риз белоснежных, где горят пречистые стопы изъязвленных ног Его, где обитает Он и учит, там исчезают всяческие страхи «всегубительной тьмы» и мрачных прегрешений.

Там слышен из уст Его призыв:

«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас!» (Мф. 11, 28).

– Идите за Мной все жаждущие исцеления, все, чье сердце мертво давно и смердит, как Лазарь погребенный. Идите: возвратились светлые дни чудес милосердия Божия, дни незаходимого света. Открылось общее царство неистощимой благодати. Во Мне – вечное забвение

всех земных страданий, блаженное избавление. Я – воскресение и жизнь, и верующий в Меня не умрет. Я пришел исцелить всех страждущих, всех больных совестью. И озаренные этой любовью души оживают для новой жизни, и проказой греха изъязвленные поднимаются со «дна жизни».

Пропадавшие находятся, падшие восстают, нищие благовествуют! Нет больше проклятия греха, безвыходной судьбы, жестокого рока.

Все прощено, все искуплено Воскресением.

Ясно и светло на Святой земле. Все ново во Христе. Все, что сгублено было тьмой беспощадной, обрелось в мире безбрежного света и звезд путеводных.

И жизнь всего мира, жизнь людей, как она есть и со всем, что есть в ней, опять красуется, ликует, блещет и трепещет от любви Божией, вновь озаренная Божиим благословением от края до края, с первой до последней минуты, милая, светлая, благословенная жизнь.

Вся она покрыта росой Божией, вся омыта заветною Кровию Спасителя, лучезарная, чистая без конца и без меры, без смерти, без горя, без потери.

Свет Воскресения горит бесконечной радостью.

В душе благоухает вечное чувство, величие Святыни и неземной красоты целой жизни.

Только в этом свете будущее сливается с настоящим и прошедшее обновляется в образах и силах Вечности. Только при нем невозможна смерть.

Да, в Воскресении Христа человек возвращен земле, и земля в восторгах таинственных и в предвечных согласованиях бытия возвращена человеку!

Евангелие уяснило мир как Божий радостный чертог. Воскресение Христово обессмертило жизнь, и человек сохранен в тайне Вечности, в безграничных просторах чистой свободы, где все – Господь Любвеобильный, где все – красота и святость!

О, если бы навсегда удержать в душе эту гармонию бытия, эту полноту пасхального света и начать бы жизнь и окончить жизнь с одним этим словом, с одним сладостным чувством: «Христос Воскресе»!

Протоиерей Иоанн Филевский

Фиалка

Из жизни персидских мучеников

Святая Ия (в переводе с греческого «фиалка» – ред.) в ожидании окончательного приговора целых полгода сидела в тюрьме. Долгим заключением ее хотели принудить к отречению, но вот наконец ее потребовали на последний человеческий суд.

Архимаги (жрецы, судьи) взошли на помост судилища. Предстала пред ними и Ия.

– Опомнилась ли ты наконец? – спросил ее главный судья. – Пришла ли ты к убеждению, что должна покориться нам?

– Я пришла лишь к сознанию и безграничному убеждению в том, – отвечала Ия, – что Один есть истинный Бог – Христос Спаситель наш – и Его святой воле я во всем покоряюсь!

– Отрекись от Него! – грозно воскликнул архимаг.

– Кто отреклся от своего блаженства? Я – христианка и поклоняюсь истинному Богу.

Архимаги вспыхнули злобой. Они стали делать указания мучителям, и те ревностно исполняли их слова. Ию обложили во весь рост сделанными из тростника острыми лучинами и начали стягивать и скручивать ее тонкими веревками, так сильно, что лучины вошли в ее тело... Потом они стали за концы вытаскивать лучины из тела. Они вырывали медленно одну лучину за другой, и клочки тела вместе с кровью падали на землю. Ни стоны, ни возгласа, ни вздоха не вылетало из груди Ии.

Какая же непонятная, неведомая сила давала мученице возможность переносить такие страдания и держала крепко нить ее жизни? Вера, неотразимая вера!

Ия молчала: глаза ее были прикованы к небу. Мучители продолжали свою сатанинскую работу... И вот Ия упала... Она лежала в крови, как мертвая. Кровь текла из нее ручьями: кости и внутренности обнажились.

Архимаги не приходили на судилище, а поставленная стража, чередуясь, стерегла мученицу день и ночь. Ия лежала как мертвая, с закрытыми глазами. И только слабое, еле уловимое дыхание говорило о том, что она еще жива. Персиянки плакали, но ничем не могли помочь мученице. Архимаги пригрозили страже смертной казнью, если она будет кем-либо подкуплена.

Через десять дней снова появились архимаги. По их приказанию Ию подняли и положили на принесенную платформу, служившую для выжимки винограда. Ее обступило несколько человек. Одни стали жать ее бревном, другие – медными прутьями ломать ее кости.

Глаза Ии широко раскрылись, и на мгновение, как молния, сверкнуло в них выражение непоколебимой веры – потом веки ее тихо опустились. Внутренности мученицы упали на землю.

По знаку судьи один из стражей отсек ей голову мечом. Голова ее с побелевшими губами и плотно закрытыми глазами скатилась на брошенную на землю одежду, и черные волосы ее раскинулись по песку, как крылья.

Вдруг глухой шум раздался в толпе. Все спешили приблизиться к месту ее казни. На залитом кровью месте, где лежала мученица, мгновенно выросло множество фиалок. Они, казалось, не просто цвели, а жили, и окружающий воздух трепетал дыханием аромата. При виде чуда народ заволновался и многие прославили Бога христиан. Архимаги растерялись и не знали, что делать. Но вот из толпы выделилось вдохновенное лицо Фалии. Она подошла к архимагам и громко воскликнула:

– Ни один зверь не стал бы так кровожадно мучить человека, как вы мучили Ию. Я – христианка и презираю ваших бездушных богов.

Судья махнул рукой, и один из солдат отсек Фалии голову! Архимаги уехали. Народ продолжал волноваться. Фиалки, как очевидное в данную минуту доказательство всемогущества

Божия, цвели, разливая дивное благовоние! Христиане выкупили у стражи тело Ии и унесли его. Они чувствовали невыразимую отраду, навеваемую этим неземным ароматом.

– Мученица Ия, – говорили они, – походила на фиалку не по одному имени. Она вдохнула в себя аромат фиалок, благоухающих и дышащих пурпурною кровью!

Из книги «Сыны света»

Причащение в темнице

*Из времен Диоклетианова гонения
«Будьте как дети, – Христос заповедал, —
Верьте доверчиво, просто, любя!
Счастлив, кто веру такую изведal,
Царство он Божье открыл для себя!»*

Если христианин нашего времени хочет надлежащим образом оценить, *что* вытерпели его предки за свою веру в первые века христианства, то мы попросим его заглянуть вместе с нами в одну из уцелевших до нашего времени римских темниц языческого периода.

Эта темница была свидетельницей многих раздирающих душу сцен, а старые пергаменты переложили их в печальные повести. Их простой, как все правдивое, рассказ счастливо дополняется безмолвным красноречием мрачного узилища.

Вот что происходило в Мамертинской темнице 4 октября 302 года. Но прежде несколько слов о самой темнице. Мамертинская тюрьма построена в Риме, в земле из огромных кусков гранита и имеет квадратную форму. Она разделена на два этажа. В потолках обоих этажей устроены круглые отверстия для сообщения со светом и воздухом. В эти же отверстия спускали на веревках пищу и питье узникам, равно как и самих узников.

Можно себе представить, сколько доходило света и воздуха до несчастных заключенных в нижнем этаже, когда оба эти этажа были полны ими.

С густым мраком, нестерпимой духотой и со всеми своими естественными нуждами несчастные в обоих этажах должны были существовать как знают. Кроме того, в гранитные стены темницы вделаны были огромные железные кольца, к которым нередко привязывали узников так, что они не могли ни сесть, ни лечь.

Впрочем, справедливость требует заметить, что в большей части случаев заключенным позволяли сидеть и лежать на каменном полу узилища, забивши только их ноги в колодки. Но и здесь изысканная жестокость язычников самым бесчеловечным образом постаралась устранить и те жалкие удобства, которые предоставляло сиденье или лежание на голом, жестком полу в сравнении с напряженным стоянием в кольцах стены. Каменный пол был усеян обломками разбитых сосудов и острыми камнями, которые вонзались в растерзанные предварительными пытками и изнуренные тела страдальцев и усиливали еще больше их страдания.

Нередко случалось, что мученики вымирали здесь все до одного, будучи не в состоянии вынести всех этих адских неудобств. С другой стороны, были случаи и совершенно в другом роде. Растерзанного страдальца или страдальцу со всеми признаками близкой смерти бросали без всякого сострадания на острые кремни, а он или она выздоравливали без всякой медицинской помощи.

В этой темнице 4 октября 302 года находилось до 100 человек-христиан всякого пола и возраста. На следующий день все они должны были выйти на «борьбу со зверями» в Римский цирк, в присутствии императора Диоклетиана и всего римского народа.

Вечером 4 октября был канун их смерти.

Несмотря на это, в стенах мрачной темницы царствовали мир и светлая радость. Святые мученики ждали дня своей казни как светлого праздника и готовились к нему с радостью. Они пели стихи из псалмов, имевшие наибольшее применение к их тогдашнему положению. И когда страдальцы нижнего этажа отвечали на стих, пропетый заключенными верхнего этажа, то это «бездна отвечала бездне» (Ср. *Пс. 41, 8*).

В эти торжественные минуты приготовления к лютой смерти жестокость язычников находила возможным сделать страдальцам некоторую усладу. Для них приготовили за обществен-

ный счет роскошный ужин. Не для того ли, чтобы львы и пантеры не могли пожаловаться на римское гостеприимство? Ведь их в это время всех морили голодом!

Родственники и друзья заключенных получали позволение навестить их со словом утешения и ободрения. Этим позволением, конечно, все старались воспользоваться.

К двусмысленному угощению язычников христиане приносили с собой к своим единоверцам более искреннюю и совершенную пищу – Любовь.

Кто захотел бы составить себе понятие о христианских агапах («Вечерях любви»), тот мог бы видеть полную и совершеннейшую их форму в этом последнем предсмертном ужине страдальцев, окруженных братьями по вере и крови. Со светлой радостью беседовали они со своими братьями о непостыдном уповании, о другом, лучшем мире и о своих надеждах на скорое свидание в обителях Отца Небесного.

Толпы язычников, привлеченных любопытством, окружали братскую трапезу мучеников. Но тщетно всматривались они в лица страдальцев, думая открыть в них признаки уныния, тоски или тупого, отчаянного равнодушия. Спокойно и светло смотрели они, как будто каждому из них суждено было жить еще сто счастливых лет.

Особенно один юноша, принадлежавший к знатной римской фамилии, обращал на себя любопытное внимание толпы своим знатым происхождением, молодостью и необыкновенной красотой. Заметив на себе любопытные взоры язычников, Панкратий (имя юноши) обратился к ним с такими словами:

– Братья мои! Неужели для вас недостаточно наших завтрашних страданий, что вы предваряете их сегодня своими попытками возмутить наш душевный покой? Если так, то всмотритесь повнимательнее в наши черты, чтобы не забыть их в день последнего Суда!

Слова юноши пристыдили толпу, и она начала мало-помалу расходиться. Глубоко запали они в душу многих язычников, которые, впоследствии сделавшись христианами, признавались, что обязаны своим обращением словам святого мученика.

Но в то время, как язычники питали тела мучеников, для того чтобы накормить ими на следующий день диких зверей, святая любвеобильная Церковь – мать страдальцев – готовила им другую, бесконечно высшую и лучшую Вечерю.

В одной из подземных базилик в катакомбах старый пресвитер Дионисий совершал Божественное Таинство Тела и Крови Господней для того, чтобы напутствовать воинов Христовых на их последний, смертный подвиг.

Совершив Великое Таинство, благочестивый священник, взяв в руки Пречистое Тело Господне, обратился к предстоящим в церкви и высматривал между ними человека, которому можно было бы вручить это бесценное сокровище для перенесения в Мамертинскую темницу.

Прежде чем взор его остановился на ком-нибудь, из среды предстоящих отделился двенадцатилетний мальчик Тарцизий. Упав на колени и простирая руки, он просил пресвитера возложить на него это великое дело.

Изумленный и вместе с тем обрадованный восторженным дерзновением отрока, Дионисий сказал ему:

– Ты слишком молод, дитя мое. Не по силам тебе будет это великое дело. Ведь ты знаешь, сколько опасностей угрожает тебе на твоей дороге.

– Моя молодость будет служить мне лучшей защитой!

Добрый священник все еще колебался доверить ребенку Божественное Тело, но настойчивые просьбы Тарцизия, его умоляющее коленопреклоненное положение, его необыкновенная красота, делавшая его похожим на молящегося ангела, – все это поколебало нерешительность старца, и он, обернув Божественное Тело двумя чистыми убрусами и подавая Его, сказал:

– Дитя мое! Я склоняюсь на твою просьбу. Мое сердце говорит мне, что ты сохранишь вверенное тебе бесценное сокровище. Но помни, мой дорогой сын, что тебе нужна величайшая осторожность, и избегай многолюдных улиц. Иди с Богом! Да сохранит тебя Бог!

Восторженная радость выразилась на прекрасном лице мальчика. Положив вверенное ему сокровище на грудь под одежду и придерживая его обеими руками, он начал осторожно пробираться к Мамертинской темнице по отдаленным, глухим и малолюдным переулкам, чутко прислушиваясь к малейшему шуму.

На повороте одного переулка, который выходил на площадь, соседнюю с Мамертинской тюрьмой, набожный мальчик совершенно неожиданно наткнулся на толпу своих сверстников, которые, вышедши из школы после вечернего урока, собрались играть на площади.

Завидевши его, мальчики обступили его и принуждали принять участие в их играх. Напрасно умолял несчастный ребенок отпустить его, отказываясь от игр и ссылаясь на важное поручение, которое он немедленно должен исполнить. Шалуны не хотели ничего знать и насильно тянули его в свой круг. Один из игроков, высокий грубый мальчик, заметив, что Тарцизий что-то придерживает на своей груди под платьем, вообразил, что тот несет какое-нибудь письмо, и сказал ему:

– Ты, вероятно, несешь кому-нибудь письмо, Тарцизий! В таком случае передай его мне. У меня оно будет в целости, пока ты играешь!

– Никогда и ни за что! – воскликнул ребенок, бросив умоляющий взор на небо.

– Что же ты так боишься за свой секрет? У тебя там, наверное, что-нибудь особенное. Дай-ка я посмотрю!

С этими словами нахал протянул руку с явным намерением овладеть тем, что нес за пазухой Тарцизий. Поняв его намерение, бедное дитя с отчаянными усилиями старалось не допустить дерзкого мальчишку до святотатственного прикосновения к своей святыне. Завязалась отчаянная борьба между обоими мальчиками. При обыкновенных условиях исход ее, впрочем, не мог быть долго сомнительным. Превосходя возрастом, и ростом, и силою Тарцизия, соперник легко одолел бы его. Но Тарцизий, сознавая важность минуты, обнаружил нечеловеческую силу и успешно противился всем усилиям своего более сильного врага.

Толпа любопытных окружила соперников. Один праздный плебей с грубым лицом и хамскими повадками подошел к кружку и, узнав, в чем дело, бесцеремонно выронил:

– Это, должно быть, осел-христианин несет свои Таинства!

Эти слова возымели магическое действие на толпу. Они разожгли ее любопытство до высшей степени. На несчастного ребенка посыпались сотни ударов кулаками, палками, полетела грязь из толпы зевак. Но он как будто не чувствовал ни малейшей боли от всех этих побоев и, смотря на небо, судорожно прижимал к груди свое сокровище. Тогда один из язычников, дюжий мясник, ударил бедного мальчика кулаком по голове так сильно, что он без чувств упал на землю.

Кровожадная толпа испустила радостный крик. Поспешно наклонившись к упавшему ребенку, бесчеловечный мясник старался отнять его руки от груди и взять то, что на ней было спрятано. Но в это время чья-то сильная рука дала святотатцу такой толчок, что он растянулся во весь свой рост подле своей жертвы. Человеком, остановившим мясника, был статный воин огромного роста и геркулесовой силы. Он взял на руки почти бездыханного мальчика и понес его с собою. Узнав в смелом воине одного из важных офицеров императорской гвардии, толпа почтительно расступилась пред ним и позволила ему беспрепятственно удалиться со своей драгоценной ношей.

Очнувшись на руках верного воина, Тарцизий тяжело вздохнул и начал пристально всматриваться в лицо своего избавителя, не вдруг узнавая его.

– Успокойся, Тарцизий! – сказал ему знакомый голос. – Ты в верных руках: жизнь твоя вне опасности!

– Ах нет, Квадрат, жизнь моя уже кончена. Но об ней не заботься. А побереги Божественные Тайны, спрятанные у меня на самой груди. Я их нес в темницу к нашим братьям!

– Будь спокоен, доброе дитя! – сказал растроганный Квадрат, для которого теперь его дорогая ноша сделалась еще драгоценнее.

У него на руках лежала не жертва героического самоотвержения, не тело мученика, а Сам Господь и Владыка мучеников. Избитая, но еще прекрасная головка ребенка доверчиво приклонилась к мужественной груди воина, но руки его по-прежнему оставались сложенными на груди. Не чуя ног под собой от радости, поспешно нес Квадрат свою драгоценную ношу в катакомбы. Никто не смел остановить его.

Слезы полились из глаз старого Дионисия, когда благочестивый воин принес в подземную базилику бездыханное уже тело отрока. На груди его под сложенными накрест руками целыми и невредимыми лежали Божественные Дары. Все присутствующие тоже плакали от умиления и с подобающей честью схоронили священные останки мученика-младенца в усыпальнице Каллиста. Папа Дамас (ок. 304-384 г.) впоследствии начертал следующую надпись на мраморной доске:

«Святой Тарцизий нес Христовы Таинства, язычники хотели осквернить их нечестивыми руками, но он предпочел скорее испустить дух под их ударами, чем выдать этим хищным псам Тело Христово!».

Между тем в Мамертинской темнице ничего не знали о произошедшем с Тарцизием и с нетерпением ожидали доброго вестника с небесным утешением. После долгого ожидания наконец в темнице появился начальник императорских телохранителей Севастиан, тайный христианин. По его озабоченному лицу страдальцы поняли, что он пришел не с добрыми вестями, и забросали его вопросами.

Светлая радость мучеников омрачилась, когда Севастиан вкратце рассказал им о происшествии с Божественными Дарами, которые нес к ним Тарцизий, и дал понять, что волнение разъяренного народа, целыми толпами бродившего около темницы, наблюдавшего за всеми входящими и выходящими, делало невозможным принесение Святых Даров извне. Затем, подзвав к себе диакона Репарата, находившегося в числе узников, верный воин сказал ему на ухо несколько слов. Лицо диакона просияло, и, уходя в отдаленный угол тюрьмы, он обменялся с Севастианом веселым взглядом.

Севастиан пришел в темницу главным образом для того, чтобы проститься со своим другом Панкратием, который вместе с другими осужден был на съедение зверями. Отношения этих двух лиц далеко выходили из ряда обыкновенных дружеских отношений. Пока диакон шел выполнять тайное распоряжение Севастиана, переданное ему от имени римских пресвитеров, друзья, удалившись в сторону, завели между собой следующий разговор:

– Помнишь ли, Севастиан, – начал Панкратий, – тот вечер, в который мы с тобой из окна твоего дома смотрели на темную массу Колизея и слушали рев заключенных в его подземельях диких зверей?

– Очень хорошо помню, мой друг, и мне кажется, твое сердце предчувствовало тогда, что ожидает тебя завтра.

– Действительно, какой-то тайный голос говорил мне, что я один из первых паду завтра жертвою людской злости. Но, пока не пришла эта вожденная минута для меня, мне все как-то не верится, что я дождусь наконец этой безмерной чести. В самом деле, что я сделал особенного, чтобы сподобиться такого счастья?

– Но ведь ты знаешь, друг мой, что это дело милующего Бога. Скажи мне лучше, какие чувства наполняют твою душу в ожидании славного жребия, который готовится тебе завтра?

– Нужно сказать правду, Севастиан: этот жребий так далеко превышает все мои самые смелые надежды, что часто мне думается, что все это я вижу во сне, а не наяву. Ты поймешь меня, если представишь себе, что не дальше как завтра я променяю эту холодную, сырую, зловонную темницу на светлые райские обители, где ожидают меня сонмы святых и неумолкающие хоры ангелов...

– Больше ничего ты не имеешь сказать мне?

– О нет! Много, очень много! Когда я представляю себе, что я, ничтожный ребенок, едва только оставивший школьную скамью, завтра предстану перед возлюбленным мною Господом и приму из рук Его венец правды, уготованный всем возлюбившим Его, то весь дрожу от радости. Эта надежда кажется мне такой отрадой, что я с трудом привыкаю к мысли, что скоро она перестанет быть надеждою и превратится в действительность. Между тем, Севастиан, – с жаром вскричал молодой человек, хватая руку своего друга, – все это правда. Святая правда!

– Какой ты счастливец, Панкратий, как светло и отрадно у тебя на душе!

– Знаешь, что особенно удивляет и радует меня теперь, добрый Севастиан, – продолжал юноша, не обращая внимания на заметку своего друга, – это благодать и милосердие Господа, сподобившего меня этой смерти. Если бы ты знал, как легко и весело в моем возрасте бросать эту жалкую землю с ее кровавыми зверями и не менее кровавыми людьми и навеки закрыть глаза от всего, что только есть на ней возмутительного! Во сто раз тяжелее была бы для меня смерть, если бы она постигла меня на глазах моей доброй матери, если бы на смертном одре мне пришлось слышать рыдания и жалобы этого самого дорогого для меня существа в мире. Ведь я увижу ее завтра? Ведь я услышу еще раз ее сладкий для меня голос? Не правда ли? Ведь ты обещал мне это, Севастиан?

Слеза блеснула на глазах молодого страдальца, но он овладел ею и опять продолжал своим обычным веселым голосом:

– Кстати, Севастиан, за тобой есть тайна, которую ты обещал мне открыть. Открой мне ее теперь. Ведь это последний случай, которым ты можешь еще воспользоваться!

– С большим удовольствием, мой дорогой друг! Ты спрашивал меня, что удерживало меня до сих пор от решительности умереть за Христа. Я сказал тебе тогда, что это моя тайна. Вот она. Я дал себе обещание бодрствовать над твоею душой, Панкратий. Эту обязанность налагала на меня наша дружба. Я видел, как сильно желал ты пострадать за Христа. Но ты еще слишком молод, мой дорогой друг, чтобы легко справляться с пламенными желаниями своего сердца. Я боялся, чтобы ты не уронил их священного достоинства какой-нибудь опрометчивой выходкой, которая могла бы набросить тень на твое дело. Вот почему я и решил наложить молчание на самые свои заветные желания до того времени, как увижу тебя вне всякой опасности!

– О, как ты благороден, мой добрый Севастиан!

– Помнишь ли, мое дитя, – продолжал воин, – как я старался помешать тебе разорвать эдикт императорский: помнишь, как я остановил тебя, когда ты хотел обличить судью во время казни Цецилии? Тебе хотелось тогда умереть за Христа, и ты действительно был бы осужден и умер бы, но в твоём судебном приговоре значилось бы, что ты осуждаешься на казнь как политический преступник, за оскорбление законов его величества. Кроме того, мое дорогое дитя, ты мог остаться один в своем триумфе. Может быть, и сами язычники подивились бы тебе и превознесли похвалами как смелого, бесстрашного молодого человека, как героя гражданской доблести... И, кто знает, облако гордости не закралось ли бы в твою душу и не помрачило бы лазурь ясного твоего неба среди самой твоей казни? А теперь ты умираешь единственно за то, что ты христианин!

– Это правда, Севастиан! – сказал Панкратий, краснея.

– Но, – продолжал воин, – когда я увидел, что тебя взяли во время самоотверженного прислуживания исповедникам Христовым, когда я увидел, что тебя влекли по улицам в цепях, как и всякого осужденного, когда я увидел, что тебя, как и других верующих, осыпали насмешками и проклятиями, когда я узнал, что твое имя вписано в смертный приговор наряду с другими осужденными единственно за то, что ты христианин, тогда я сказал себе: «Теперь мое дело кончено, и я не пошевелю пальцем для того, чтобы спасти тебя!».

– О, как ты умен и благороден, и предан, добрый Севастиан! Твоя дружба ко мне похожа на любовь Божию, – сказал Панкратий, заливаясь слезами и бросаясь на шею воина. – Позволь мне предложить тебе еще одну просьбу: не оставляй меня до конца своим участием и передай моей матери мою последнюю волю.

– Желание твое будет исполнено, хотя бы это стоило мне жизни! Впрочем, мы ненадолго расстанемся с тобой, Панкратий, – сказал Севастиан.

В это время подошел диакон и сказал разговаривавшим, что все приготовлено для таинства в самой темнице. Молодые люди осмотрелись вокруг себя, и Панкратий был поражен неожиданным зрелищем, представившимся его глазам.

На полу темницы лежал навзничь священномученик пресвитер Лукиан. Руки и ноги страдальца были обременены тяжелыми цепями так, что он не мог пошевелиться. На груди его Репарат положил в три ряда сложенный льняной убрус вместо антиминса и на этот убрус поставил хлеб и сосуд с вином и водою, который поддерживал своими руками. Глаза достойного пресвитера были обращены к нему, между тем как уста его произносили обычные при совершении таинства молитвы.

Затем каждый из присутствующих мучеников стал подходить и со словами благоговейного умиления причащаться Божественного Тела и Крови.

Таково могущество Святой Церкви! Как бы ни были неизменны ее законы, она всегда находила возможным применять их, не нарушая даже в самых исключительных обстоятельствах. И само исключение только более наглядным образом подтверждает общее правило. Это правило – *Божественное Таинство Тела и Крови Христовой* – должно быть совершаемо на мощах мучеников.

Здесь мы видим совершение таинства на теле мученика и самим мучеником. Правда, он еще жив, его сердце бьется еще под Божественными «стопами Божественного Агнца», но он со всей справедливостью мог бы применить к себе слова апостола: *«Живу же не тому аз, но живет во мне Христос»* (Гал. 2, 20). Тут он – живой образ Божественного Икупителя, Который в Своей вечной Жертве был и «приносый», и «приносимый». И едва ли был когда-нибудь жертвенник, более достойный Жертвы!

«Христианское чтение», апрель 1864 г.

Святой союз. Глубокая вера в Божественную помощь

Однажды жестокосердному, грозному правителю города донесли весть об одном христианине, что этот человек замышляет убить его. Правитель быстро послал за ним своих слуг. Когда слуги привели к нему этого человека, то правитель сказал:

– Мне донесли, что ты поносишь меня и замышлял обо мне худое.

– Нет! – сказал Мирос, так звали христианина. – Я не поносил тебя, я называл тебя только жестокосердным, каков ты и есть! Я не замышлял против тебя худое, я только обличал зло, какое ты делал.

– Негодай! – сказал правитель. – Все равно ты за это должен умереть на кресте.

– Я готов на смерть! – отвечал Мирос. – Я не стану тебя молить о пощаде! Но дай мне, ради Бога, три дня свободы, чтобы проститься с моей родней. Я оставлю друга своего порукой в том, что вернусь на смертную казнь!

Правитель согласился:

– Хорошо. Я отпускаю тебя, но ежели ты через три дня не вернешься, то я предам друга твоего на мучение. Если уж придется казнить твоего заложника, так его казнь может искупить твою вину!

Правитель не поверил Миросу.

«Пусть же народ узнает, – подумал он, – как христиане обманывают своего Бога».

Мирос пришел к своему другу и рассказал ему, что правитель приготовил его к смертной казни на кресте, но дал ему три дня свободы, чтобы проститься с семьей, с условием, чтобы он оставил за себя кого-нибудь, и спросил, согласен ли друг побыть за него три дня в темнице. Верный друг с радостью согласился исполнить просьбу своего любимого друга, обнял его на прощание и дал отвести себя в темницу. Он сказал:

– Я верная за него порука, и если друг мой не вернется, то я приму его казнь на себя.

Его закрыли в подвал. Тем временем Мирос прибыл в свое селение, рассказал о предстоящей казни, простился с семьей и родными и сказал:

– Простите, время истекает, и если я не вернусь вовремя на казнь, то пострадает за меня мой друг.

Родные всеми силами старались задержать его подольше при себе, чтобы он опоздал на казнь и остался жив. Но Мирос вырвался от них и пустился в дорогу.

Страшно спешил он, но вдруг поднялась буря, завыл ветер, заблестела молния и разразилась гроза; зашумел ливень с гор, в долины помчались потоки воды и залили всю окрестность на пути. Перед путником зашумела река, вздулись сильные волны, ударяясь одна об другую, и сорвали мост.

Страдалец метался взад и вперед, нигде не видя ни единого человека. Бедный Мирос был весь в слезах, подавленный горем. Он упал на колени, и, весь переполненный думой о своем любимом друге, взмолился:

– Боже! Что мне делать? Время истекает!

Он простер свои руки к Небесам и вскричал:

– Боже! Усмири эти волны. Время бежит, солнце давно уже зашло за полдень; если оно зайдет, а меня не будет – мой друг пострадает за меня!

Но пучина ревела все сильнее, волны набегали на волны и минута летела одна за другой. Отчаяние поглотило страдальца, он смело бросился в кипящий поток и стал разбивать волны своей рукой. Наконец он достиг берега, но едва сделал несколько шагов, как навстречу ему выскочила буйная ватага разбойников, и, загородив ему дорогу, они подняли на него дубины.

– Что вам от меня нужно? – сказал страдалец. – У меня ничего нет, есть только жизнь, но она мне нужна для спасения своего друга! – и горячие слезы заструились по его лицу.

Он глядел на разбойников таким молящим взором, полным душевной муки, что они смутились и, расступившись, дали ему дорогу. Осужденный на смерть спешил, солнце жгло его страшным зноем, воздух становился все более душным, нигде не было ни тени, и путник обессилел. Он упал на колени и взмолился:

– О Боже! Не Ты ли вынес меня из водной пучины, не Ты ли спас меня от разбойников?! Так помоги мне спасти моего друга! – и он припал к земле со стоном.

И вдруг он услышал журчание ручейка. Страдалец подполз к нему, жадно прильнул и, освежив свое истомленное тело, собрал силы. Затем он с трудом стал пробираться по знойной долине и увидел, что длинные тени от деревьев легли на луга. Бедный Мирос стонал и плакал, из раненых ног его струилась кровь, но, несмотря на страшные, мучительные боли, мысли его о любимом друге бежали одна за другой.

И вот наконец показался город. Солнце уже заходило за городские ворота. Страдалец собрал последние силы. Со стоном и воплем молился он Богу:

– Боже! Дай мне силы. Боже, удержи палачей, чтобы мне застать живого друга!

В слезах он не видел, как перед ним глумился народ. Когда бедняга увидел, как на канате поднимают его друга на крест, он быстро растолкал народ и закричал:

– Палачи! Прекратите казнь, я тот, за кого он поручился!

Его держали и говорили:

– Спасай себя, ему уже предстоит смерть.

Но страдалец закричал громче:

– Если я его не спасу, то пусть погибнут две жертвы. Я разделю с ним такую же участь, и пусть узнают, как друзья умеют любить и верить друг другу!

Палачи услышали голос страдальца, казнь была прекращена. Весь народ со слезами глядел, как друзья бросились навстречу друг другу и, крепко обнявшись, зарыдали в дружеских объятиях. У правителя дрогнуло сердце, и он приказал палачам отменить казнь этих людей:

– Они победили мое сердце! – сказал он. – Я вижу в них святую дружбу. Хотелось бы и мне познать сладость такой дружбы и вступить в их Святой Союз!

Подвиг матери

Из жизни святой Моники – матери Блаженного Августина

I

В главном соборе африканского города Тагаста было совершенно пусто, сумрачно и прохладно.

Огни трепетно мерцали перед ликами святых, но их свет был слишком слаб, а лучи догорающего солнца не заглядывали внутрь храма. Только клочок яркого синего неба да вершины ближайших гор виднелись из окна.

Был будний день, и в храме собралась незначительная кучка молящихся. Отошла вечерня, храм опустел. Осталась одна только женщина, та, которую знали все сторожа, знали священники, знал весь клир.

В длинном темном платье, с покрывалом, опущенным до самых глаз, она становилась всегда на одном и том же месте, в глубине мраморной ниши у колонны, опускалась на колени и, казалось, замирала в молитве.

Каждое утро на рассвете, едва пурпурная заря показывалась на восточном крае неба, она приходила сюда, в это место своего успокоения, и молилась так, что смотревшим на нее казалось, что она сейчас умрет. Казалось, душа человеческая не могла выдержать такой муки, какую таило в себе ее сердце, и слабое тело не в состоянии было вынести такого напряжения духовных сил.

После литургии она молча оделяла бедных на паперти храма и уходила. А вечером опять приходила первой, опять становилась на свое место и, когда затихали вечерние песнопения, еще долго оставалась одна и лежала на холодной плите перед темным и скорбным Ликом Спасителя, смотревшего на нее со стены храма.

Никто не тревожил ее, никто не подходил к ней. Только дивились люди ее терпению и страданию. Только изумлялись сами священники великой вере женщины.

Звали ее Моника. О чем скорбела она? О чем день и ночь молила Бога? От чего истаявало сердце ее в муке? Только один во всем Тагасте, ее духовник, мудрый и опытный старец, знал тайну ее сердца. На него, как на опытного кормчего, опиралась и полагалась она в момент самой величайшей ярости житейского моря.

Его дожидалась она и теперь. Давно она уже не слыхала его ободряющего, вдохновенного слова... А оно нужно было ей теперь. Страшно нужно. Она изнемогала в своей скорби, она в самом деле могла умереть.

Молиться... Она не молилась, она не могла ни молиться, ни плакать... Она точно застыла, закаменела от того ужаса, который проникал во все ее существо, от ужаса матери, видевшей неизбежную вечную гибель ее единственного сына Августина!

...Ее милый мальчик! Разве не отдавала она его Христу еще в те дни, когда носила его под сердцем? Разве потом, в самом нежном возрасте, она не старалась показать ему чудный, несказанно прекрасный образ Христа-Спасителя и наполнить его детское сердце горячей, неотпадающей любовью к Нему? А потом, когда умные глазки ребенка с любопытством устремлялись на Божий мир, не указывала ли она ему за этими ярко блестевшими звездами на Творца Вселенной и не пела ли вместе с ним гимны хвалы и благодарности Богу?

И все усилия, молитвы долгих лет, слезы бессонных ночей, весь подвиг материнства оказались напрасными! Рядом с ее влиянием было влияние на Августина со стороны отца: пылкий, страстный, честолюбивый, он передал огонь своей души по наследству сыну.

Когда Августину было еще девять-десять лет, Моника уже видела с болью в сердце, что мальчик ее не будет принадлежать ей, и еще меньше – Христу! Ее связывала с сыном глубокая, самая нежная любовь, но имя Иисуса редко срывалось с уст ребенка: образ Христа, видимо,

заслонился в его душе яркими образами языческого мира и, когда мать начинала ему говорить о любви, о самопожертвовании, смирении и молитве, он смущенно молчал, стыдась признаться, что его тянет к себе чувственная, земная жизнь, что он мечтает о славе, о счастье, в самом даже грубом значении этого слова. И чем дальше шло время, тем ярче образовывался характер мальчика.

Сколько слез пролила Моника, чтобы убедить мужа, что на опасный, скользкий путь жизни ставит он сына!

Ее увещевания вызывали только смех с его стороны.

– Августин должен учиться, а потом сделаться знаменитым оратором. У него такие дарования, что было бы грешно зарывать их в землю, – возражал отец, с гордостью любясь сыном.

И это была правда: в школах Тагаста Августин учился так блестяще, что обратил на себя внимание всех учителей. Ему обещали широкое и завидное будущее. Он был горд и в высшей степени счастлив.

В 16 лет он уехал в Карфаген, в столицу Африки. Отец заплатил безумные деньги, чтобы дать сыну возможность слушать лучших учителей Карфагена, но отец не видел и не хотел видеть, что мальчик уже был заражен нехорошими взглядами и его нельзя было одного выпускать из дома.

Но он отпустил, и Августин уехал.

И вот спустя два-три года до Моники дошли слухи о божественных способностях ее сына, о его блестящих успехах, но... вместе с тем она узнала то, чего больше всего на свете боялась. Ее мальчик, плоть от плоти ее, упал так низко, так позорно, что лучше бы ей живой было сойти в могилу, чем видеть его...

Молиться! Нет сил молиться больше. От ужаса умерла, кажется, ее собственная душа. Все темнее и темнее в соборе. И вместе с сумраком растет и скорбь.

– Дочь моя! Мир Христа да будет с тобою! – вдруг услышала она голос, вздрогнула и очнулась.

Старик-духовник стоял перед нею. Тихий стон и вопль сорвался с ее уст. Она пошатнулась и упала к его ногам:

– Отец! – и не могла больше сказать ни слова.

– Что случилось?

Если бы он знал, что случилось! Слезы сжали горло, и вдруг рыдания, разрывающие сердце, огласили каменные своды полутемного храма. Казалось, лики святых, строгие и суровые, зарыдали над этой скорбью. Плакала Моника. Плакал и молился духовник.

Время исчезло. Стены раздвинулись, само небо принимало эту молитву и эти слова. Наконец властная и нежная старческая рука легла на склонившуюся голову рыдающей матери. И лежала так, пока она не затихла, словно подкрепленная благословением, которое низводила эта рука.

– Что случилось с Августином? Он умер?

Старец слишком хорошо знал Моника, чтобы подумать, что она убивается из-за физической смерти сына.

Несколько секунд длилось молчание. И опять та же ласковая рука легла ей на плечи:

– Иди и не плачь! Не может погибнуть дитя таких слез!

В этих словах было спокойствие и уверенность пророка. Моника поднялась. Была ночь, когда она вышла из храма. Крупные сверкающие звезды смотрели на нее из темной бездны неба, и в тишине ночи слышались ободряющие пророческие слова:

– Не может погибнуть дитя таких слез!

II

Злобно крутилось и пенилось житейское море: кидало, крутило в своих волнах Августина. Успех, слава венчали каждый из его дней.

Он быстро сделался одним из самых видных учителей красноречия, получал огромные суммы денег и пользовался всеми благами жизни. И, однако, в это же время он упал в самую глубину порока и неверия. Как это случилось, он и сам не заметил: просто его увлек поток жизни, увлек пример распушенной молодежи. Где-то в тайниках его души, куда и сам он не дерзал опуститься, мерцал слабый огонек, зажженный когда-то рукой верующей матери, но пусто, темно и холодно было у него на душе. И от ощущения этой пустоты ни слава, ни наслаждения не удовлетворяли его... Все приелось, все порождало тоску, граничащую с отчаянием.

Шли год за годом. Мужал гений Августина, росла его слава, росла и неотступной становилась тоска. И, чтобы заглушить эту тоску, он пытался как-нибудь решить вековые вопросы, терзающие душу человека.

Он бросался от одной ереси к другой, от философии к философии, и до такой степени огрубел его ум, что Самого Бога он не мог представить себе никак иначе, как в материальном виде. Мучаясь, скорбя и томясь от уз плоти, он искал истины и не находил.

Временами поднимался он над пеной житейских волн, временами падал в их глубину. И не знал, что на далекой родине много лет день и ночь молится за него мать. Не знал, только бессознательно чувствовал это, и имя матери, как и имя Христа, никогда по забывчивости не произносил в момент погружения в лоно страстей. Эти два имени были для него святыней.

Ересь манихеев, учащих, что существует два равных начала, добра и зла, что Бог материален, на долгое время овладела его душой. И, только когда главный учитель этой ереси Фауст оказался перед ним, Августином, только блестящим говоруном, он с негодованием отвернулся от него и от его учения и вскоре после этого бросил Карфаген и уехал в Рим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.